



«... помнят всё зеркала». Семен Кирсанов



ЖУРНАЛ
№ 3 (65) 2015
ЭТЮД

В палитре памяти



Рисунок Константина Кедрова (бумага, фломастер).
Специально для ПО

ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Презентация Издательства ДООС в Русском Пен-клубе



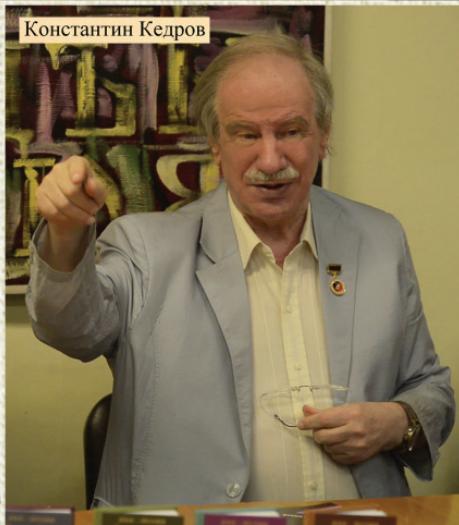
Андрей Житинкин



Маргарита Аль



Константин Кедров



Алина Витухновская



Александр Чернов



Елена Кацюба



Пен-клуб и ДООС дружны с 1995 года, когда начали выпускать «Газету ПОэзия», которая в 2000 году к Всемирному конгрессу Пен-клубов в Москве вышла как «Журнал ПОэтов». И вот мы снова собрались здесь с друзьями на презентации Издательства ДООС – только что вышедшей серии «ДООС – поэзия».

2 июня 2015 г.



Виталий Пацюков



<p>Константин Кедров на пирамиде Андрея Белого</p> 	<p>Велимиру Хлебникову 130 лет Сергей Бирюков</p> 	<p>«На холмах Грузии» от Пушкина до Бобышева</p> 
<p>Феллини от Елены Кацюбы</p> 	<p>«В палитре СтрекозАль</p> 	<p>Иосиф Бродский наяву и в снах Киры Сагир</p> 
<p>Кураж в Трибунале Войновича и Мирзоева</p> 	<p>Вампиры Мамлеева и Кутика</p> 	<p>«Ешь циник Ницше»</p> 

Смешивали краски в палитре

- | | | |
|---|---|---|
| <p>2. Константин Кедров
Андрей Белый</p> <p>5. Сергей Бирюков (Германия)</p> <p>6. Дмитрий Бобышев (США)</p> <p>7. Елена Кацюба
Андрей Воркунов
Александр Корамыслов
Валентин Нервин</p> <p>11. Галина Мальцева
Даниил Екимовский</p> <p>12. Маргарита Аль</p> <p>13. Владимир Монахов
Мария Галкина</p> <p>14. Кира Сагир (Франция)
Кристина Зейтунян-Белоус
(Франция)</p> <p>16. Сергей Грохотов
Сергей Рахманинов
Дмитрий Ларионов</p> <p>17. Ирина Бессарабова
Ольга Лебединская
Мадина Музрафова</p> | <p>18. Кристина Зейтунян-Белоус
(Франция)</p> <p>19. Владимир Павлов
Игорь Крестьянинов
Иосиф Рабинович</p> <p>20. Кирилл Ковальджи
Салават Кадыров</p> <p>21. Эммануил Нирмал
Марина Тарасова</p> <p>22. Галина Свинцова
Полина Ольденбург</p> <p>25. Андрей Цуканов (США)</p> <p>26. Артур Вафин</p> <p>29. Алина Витухновская</p> <p>30. Владимир Войнович
Владимир Мирзоев
Константин Кедров</p> <p>32. Наталья Яковleva</p> <p>33. Марк Ляндо</p> <p>34. Ярослав Землянухин
Надежда Девишиева</p> <p>37. Сергей Померанцев</p> | <p>38. Александра Заболотская</p> <p>40. Юрий Мамлеев
Дж. У. Полидори</p> <p>41. Илья Кутик (США)</p> <p>42. Константин Кедров
Сергей Уткин
Dr. Heinrich Apel (Германия)</p> <p>43. Лидия Гощинская (Австрия)
Штефан Георге
Фридрих Ницше
Людмила Крыжановская
(Украина)</p> <p>44. Света Литвак
Михаил Завьялов</p> <p>45. Максим Маренков
Зиновий Антонов
Анатолий Гринвальд (Германия)</p> <p>46. Евгений Степанов
Николай Ерёмин</p> <p>47. Галина Мальцева
Дарья Родина</p> <p>48. Александр Гумённый
3-я стр. обложки. Виктор Ахломов</p> |
|---|---|---|



Рисунок Константина Кедрова (бумага, фломастер).

«В этом месте ужасная иллюзия зрения: над головою видишь не более трех-четырех ступеней... пирамида видится повешенной в воздухе планетой, не имеющей касания с землей; ты — вот-вот-вот свергнешься через головы тебя держащих людей, головой вниз, вверх пятами; мы вдруг ощутили дикий ужас от небывалости своего положения; это странное физиологическое ощущение, переходящее в моральное чувство вывернутости тебя наизнанку... — перемена органов восприятия; жизнь окрасилась новой тональностью; как будто всходил на рябые ступени одним, сошел же другим».

«Образовалась во мне как... спираль: мои думы; ...закинь в этот миг свою голову я, не оттенок лазури я видел бы в небе, а грозный и черный пролом... пролом меня всасывал (я умирал в ежедневных мучениях); был он отверстием в правду вещей... становился он синею сферою... тянул меня — сквозь меня; из себя самого излетал я кипением жизни; и делался сферою; многоочито глядящий на центр, находя в нем дрожащую кожу мою; точно косточка сочного персика было мне тело мое; я — без кожи, разлитый во всем,— Зодиак».

Андрей Белый

Беспределенный символист

Он рассказал о себе все в своих мемуарах, написанных alexandрийским стихом, но остался загадкой и для современников, и для потомков. «Золотому блеску верил, / А умер от солнечных стрел. / Думой века измерил, / А жизнь прожить не сумел». Все бы так не сумели! Умер действительно от последствий солнечного удара. В Коктебеле у Волошина весь день ходил без головного убора. Есть ощущение несвоевременного ухода в полном расцвете сил. Казалось бы, столько всего написал и в стихах, и в прозе, а есть ощущение недосказанности.

Все потому, что символист. А «символ только тогда есть истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен... Он многолик, многосмыслен и всегда тёмен в последней глубине», – заметил в свое время Вячеслав Иванов. Для символиста символ важнее так называемой реальности. Все никак не выясню, что, собственно, означает это французское слово, которое нам навязывали два столетия подряд.

Никакого «реального» Андрея Белого не существует. Есть многоликий символ. Андрей Белый в мистическом любовном треугольнике – он, Менделеева и Блок. Андрей Белый с Асей Тургеневой на вершине пирамиды Хеопса, где за четыре ступени до вершины он, по его признанию, «сам себя обволок зодиаком» – вывернулся во вселенную.

Есть еще Андрей Белый, пришедший, как ангел к апостолу, в темницу своими стихами. Маяковский в Бутырской тюрьме начал было сочинять вполне традиционные стихи, но все попытки разбились об одну строку Белого: «В небеса запустил ананасом». Из Бутырок Маяковский вышел современным поэтом.

А вот Андрей Белый усердно штудирует в арбатских переулках Иммануила Канта, читает и перечитывает тайновидца масона Гете, приплывается под экстатическую музыку Скрябина посреди мостовой или на кафедре, выступая с докладом о символизме.

С трудом представляю его в Дарнахе у своего кумира-учителя Рудольфа Штайнера в роли прилежного ученика, укладывающего камни на строительстве антропософского храма. Но и это было.

Если нырнуть в его ритмизованную прозу «Петербурга» и «Москвы», то уже не вынырнешь никогда. Читаешь «Серебряного голубя» и чувствуешь, что побывал на хлыстовском радении. Ох не понимаем мы все эти революции 1905-го и 1917-го. А ведь они не столько по Марксу, сколько по Григорию Рас-

путину осуществились. «Хлыщу, хлыщу – Христа ищу». А кого хлышу – себя или других, не важно. Ленин на броневике – тот же хлыст, только начитавшийся Маркса.

О революции 1905-го Белый скажет совсем просто: «Мать-Россия, о родина злая, / Кто же так пощупил над тобой?» А шутка затянулась на всё столетие. Но это не помешало Белому провозгласить в берлинской эмиграции, что в России творится новый Апокалипсис всей современной торгашеской цивилизации, после чего и по Белому, и по Мережковскому последует Царство Третьего Завета.

Вернувшись в это царство в качестве «красного Гоголя», каковым мечтала его увидеть новая власть, Белый с трибуны только что образовавшегося Союза писателей вместо доклада о Блоке стал кричать, требовать для себя жилье. «Уморили Блока и меня хотят! Я не дамся! Я буду кричать, пока меня услышат: “А-а-а-а!”» Квартирный вопрос кое-как удалось уладить, но советской поэзии и советской прозы от Андрея Белого «третья заветная» власть так и не дождалась. Поэтому в партийной прессе он был назван живым мертвцем. Похоронен заживо.

Сегодня об Андрее Белом написано намного больше, чем он сам о себе написал. Он вошел в литературные святыни так называемого серебряного века, которого на самом деле никогда не было. Но что такое «на самом деле»? Тот же загадочный «реализм». Лучше уж символизм. Подсела к Андрею Белому проститутка в кинотеатре, и тотчас он понял, что это символ надвигающейся катастрофы. И действительно грянула мировая война. Но гораздо интересней понять, символом кого или чего видел себя сам Белый.

Символист не символист, если не считает себя демиургом. Неким глашатаем космоса в нашей земной юдоли. Он верил Гете и еще больше Рудольфа Штайнера. В их космической религии творческий человек есть высшее воплощение самых вселенских энергий. Эта энергия воплощена в слове, и в звуке, и еще в жесте и мимике. Вот почему Белый так часто приплывал и гримасничал и в своих концертных лекциях, и в своей поэзии, и в жестикулирующей прозе. Каждая фраза – жест и соответствующая гримаса. Он и хотел быть таким пляшущим паяцем на незримых веревочках, тянувшихся из космоса. Он хотел быть символом Космоса на земле, а стал символом Земли в космосе.

Константин Кедров

Эмблема

Стою на вершине высокой горы
Вверху разверзаются в небо миры
Внизу простираясь до самого дна
Гора что древнее и старше меня

Внизу у подножья стоит молодой
Он тоже готовится к встрече с горой
Он тоже отправится в высь молодым
Пока он дойдет станет тоже седым

Сошлись на вершине средь белого дня
И тотчас узнали друг в друге себя
Он выше взметнулся в заоблачный дым
Я вниз оглянулся и стал молодым

* * *

По сути дела мы уходим в плоскость
Кто в негатив кто в позитив
Да наша плоть вернее наша плотскость
Исчезнет нас в тот мир не захватив
Я удивлен таким мироустройством
Ум не справляется со смертью и судьбой
Когда рояль настроенный в расстройстве
А музыка звучит сама собой
Кто гонится за мной-в затылок дышит
Она звучит но мир её не слышит



Константин
Кедров
«Палитра памяти»
(бумага, фломастер).



* * *

Пусть это будет подобием бреда
Там на кушетке у Зигмунда Фрейда

В нервных сплетеньях запутался Фрейд
Комплекс вины это бредень и бред

Чувство вины нам даровано свыше
Чувство которое Космоса выше

Чувство которому нету предела
Чувство которое Душу задело

Космос ничтожен без чувства вины
Это важнее чем мера длинны

Это поистине Высшая мера
Мера Бетховена мера Гомера

В жизни мгновенной мгновенной и тленной
Чувство вины есть константы вселенной

Мера ничтожества мера таланта
Чувство вины вековая константа

Всё промелькнёт всё рассыпляется в прах
Мера Гомера в надмирных мирах

Неизмеримое и неземное
Чувство вины остаётся за мною

Высвобождайся Душа в дебрях Космоса
И не страшись вековечного комплекса

Комплекс вины или чувство вины
Это вибрация главной струны

Моя вина моя вина моя великая вина!
Моя струна моя струна моя звенящая струна

Комплекс вины – значит мы не больны
В море вины с нами компас вины

Всепобеждающий комплекс вины
Якорь спасенья для каждой страны

* * *

Мне свою судьбу не догнать
Она давно убежала
так далеко
Что даже я не знаю
Где и когда с ней встречусь
А может быть и не встречусь

Линия судьбы раскинув крылья
Улетела с ладони

* * *

Я творю не по образу и подобию
Я творю по образу бесподобию
Всё подобное сухо пресно
Бесподобное интересно
Если коротко и подробно-
Бесподобное бесподобно!

* * *

Возвращусь на небо
Улечу в печаль
Мне бы мне бы мне бы
Лодкой о причал
Бьется мысль с надеждой
Всё таки пристать
Закрываю вежды
Чтобы не устать
Вижу бесконечность
Но она мертва
Вечность и вечность
Близкие слова
Мысль скользит по рифмам
Саночки с горы
Рифмы-Лоэнгрифмы
И миры муры

Критики

«В наших критиках, по Фрейду,
Их история болезни».
А.Вознесенский

Сказал поэт про критиков упёртых:
«Они любить умеют
только мёртвых»
В литературе есть своя политика
Из века в век идет сие безумие
Любимое занятие нашей критики
Пенять живым
что все они не умерли

Андрей Вознесенский и Константин Кедров на презентации
1-го тома «Антологии ПО» в Университете Натальи Нестеровой
14 февраля 2008 г.



* * *

Где ты Андрей?
Почему я не слышу
голос похожий на всё
что люблю

Может я как-то
не так говорю
и вспоминаю
А надо иначе

Где ты?
Ты видишь, я даже
не плачу
Просто с тобой
о тебе говорю

Кто убедит меня,
что тебя нет
Проще поверить,
что все мы
уснули
И про тебя видим
страшные сны
Кладбище похороны
всё было
Но это всё мимо нас
пронесли
Только с тобой
я могу быть собой
Только тебе доверяю
до смерти

и после смерти
тебе доверяю
Только с тобой
о тебе говорю

Если исчез ты совсем
то и Бог
только иллюзия
а не реальность

Наша религия
внематериальность
Наша религия
это Итог

Что же имеем мы
в этом Итоге?

Слово наш Бог
Да и Слово о Боге



Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле

ИРАНСКАЯ ПЕСНЯ (Хлебников в Персии)

«Персам я сказал, что я русский пророк»
Велимир Хлебников

в Персию тянет Велимира
в Персию
песней слышится
Персия
туда к Востоку
все-таки
он верит
начало песни
там
в Персии
и белыми песками
босой
поэт
и тихо поет
и в хате хана
учит детей
исчислению времени
отринув?
Нет! Приняв
тайну лебединого крыла

цапельной поступью
берегом Каспия
с детства родного
погружением
или отплытием
обретением невесомости
парением
и назван Гуль-муллой
священником цветов
находящийся одновременно
в параллельных мирах
в пробуждении огня
где персы пели
ему слышимое им
и в песках зеркально
отражено письмо
письма сестре
теплый ветер
овевает
овевает
овевает

ВРЕМЯ ВЕЛИМИРА (встреча в Риме)

Alessandre Moretti

открываю дверь в рим
открываю дверь в мир

а за дверью велимир

время велимира
время велимира
в риме велимир
в мире велимир

если верно что дороги
все ведут в рим
или до рима
то есть в мир
до самого мира
значит верно
время велимира

тик так время
тик так время
время велимира

ноги сбиты о рим
мы идем говорим
время велимира
время велимира
время велимира

«В пору, когда в вырэй
Времирай умчались стаи,
Я времушком-камушком игрывало,
И времушек-камушек кинуло,
И времушко-камушко кануло,
И времыня крылья простерла».

Велимир Хлебников, 1908.



Владимир Бурлюк.
Портрет Велимира Хлебникова.



Дмитрий Бобышев

Урбана-Шампэйн

ПОЭТУ

«Звук ангелу собрат»

Н. Клюев

Струны дико и тugo
натяни на подрамник,
чтоб из цвета и звука
рвался ангел-подранок.

Послушай получше:
ближе, ближе... Слови его
и у слова выпущив
суть соловьиную:

то выкатит лаково
полновесные свисты,
то рюмит заплаканно,
пусто и чисто.

А какой-либо цели
туда и не вкладывай,—
нет самоценнее
умного лада:

то слегка, то свирелью
то собой залимонивает
по сиреневым,
по прохладным бемолям.

То, швыряясь роялями
в горлоухое эхо,
вытворяемым
тешит Бога и Эго...



А.С.Пушкин.
Автопортрет.

ЕГО ЖЕ СЛОВАМИ

Пускай не схожи глинник и гранит,
но с холодом сошли пути тепла.
на склонах Грузии лежит
адмиралтейская игла,

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
и невская накатывает аква
на глиняные камни под стеной,
прозрачная. И мутно-далеко
шумит Арагва.

Шумит Арагва предо мною.

Мне грустно и легко,
и нету ни изгнанья, ни печали,
а только высги, глуби, дали
и тонкая издалека игла,
которая прикальвает наспех
чужое сердце на чужих пространствах,
как мотылька, на грань его стола.
Но боль моя, печаль моя светла...

Мне грустно и легко; печаль моя светла;

Печаль моя полна тобою,
и время милосердное с любовью
пространству стягивает боль,
цветут объёмы перед ним,
цветут одним —

Тобой, одной тобой... Унынья моего

Ничто не мучит,
только воздух гложет
глаза до слёз на сквозняке времён,
и жизнь мою прохватывает он
до радости, но горя *не тревожит*,
И сердце вновь горит и в красной дрожи
горает, хоть

и любит – оттого,
что, не спалив, не воскресить его,
Что не любить оно
тебя, тебя – *не может.*



Пушкин в царстве теней

Пушкин очень любил земную жизнь и вместе с тем постоянно чувствовал в ней присутствие тени мира потустороннего.

Тень – любимое слово Пушкина. Он употребляет его в самых неожиданных значениях и для описания жизни, и для описания загробного мира. Можно сказать, что поэт пребывает в царстве теней. Тень воздушна, ее нельзя удержать. Огонь, земля, вода материальны. Тень, как и воздух, неуловима. О ней вспоминают только тогда, когда ее не хватает.

...Тени ветвей, дерев, дубов, «тени мирные наследственных садов». С наступлением вечера «по небу тень лилась». Земледелец и пастух, взглянув на «западную тень», определяли погоду. Жизнь – это блеск, шум, говор волн и непременно тень. Даже свет имеет тень: «тень зари» – свет в ночи. Нет солнца – нет и тени. Молдавия, окраина Римской империи, куда был сослан Овидий, отчизна варваров, пасмурная страна – «там нивы без теней».

Влюбленный юноша под вечер, «как всюду тень», приходит «изъяснять любовну муку». Даже ночь не темнота, не мрак, а тень ночи – символ наслаждения, приют неги. Тень не только состояние природы, но и чувство – именно то смутное ощущение перехода от мрака к свету, некая грань между радостью и печалью.

Влюбленная девушка бледна, как тень – свет любви озаряет темноту страдания, придавая облику благородство. Красота Заремы расцветает в тени гарема. Это «хранительная тень», она защищает не

только от солнца, но и от житейских сложностей, создавая тень настоящего мира. «И тень блаженства миновала», когда Гирей охладел к Зареме. Пока есть хотя бы тень чувства, остается надежда. Не должно быть и тени сомнения в добродетели жен пророка – раз есть тень вины, значит есть вина.

Отделившись от реального мира, тени начинают жить своей жизнью в мире потустороннем. Это не ад и не рай, но обитель великих людей, ставших величественными тенями. Наполеон, вольнолюбивый Брут, поэты Данте, Байрон, Шенье, студент Занд, ставший в Германии вечной тенью.

Из мира теней великий Фонвизин («Тень Фонвизина») спускается на землю – узнать, как обстоят дела с литературой. А сопровождает писателя сам Пушкин в облике Меркурия.

Но особенно близок Пушкину Овидий. Присутствие его тени он чувствует прямо-таки физически. «И с нею часто при луне брожу вдоль берега кругого», – пишет он Баратынскому из Бессарабии. Рассказ о последних днях Овидия он вкладывает в уста старого цыгана («Алеко»). Пушкин ощущает себя гражданином Рима. Не исторического – кровавого и циничного, а литературного: беломраморного, свободного, не боящегося смерти.

Страшна не смерть – забвение. Поэт заранее благодарен потомку, который вспомнит о нем:

Брегов забвения оставя хладну сень,
к нему слетит моя признательная тень.
Да и вообще жизнь без славы – это тень жизни.

Андрей Воркунов

* * *

меня читали экспериментальной группе мышей
а контрольной как обычно – пушкина
и мои мыши чувствовали себя хорошей
у них прямо на глазах тяжелели туши
а вот мышек пушкина буквально одолевала хандра
они часто плакали и жаловались на бессонницу
ели харчей меньше на полтора мышиных ведра
да и то все время побаивались оскоромица
может пушкин канешна это и все наше все
и хороши в смысле поплакать в подушку и в прочем подобном плане
но вот если действительно какой практической пользы нашет
то мыши говорят о другом а мышей – знаете ли – не обманешь

«Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?»
А.С.Пушкин, 1830 г.

В стихотворении «Прозерпина» царица подземного мира увлекает в Аид земного юношу:

Повинуется желаньям,
предает его лобзаньям
сокровенные крас.

А после счастливый любовник невредимым покидает мир теней.

Зыбкая грань между жизнью богов, людей и теней, между жизнью земной и потусторонней привлекает поэта. Отсюда же – «нет, весь я не умру...»

По своему мироощущению Пушкин был ранним христианином. Ему в равной мере были дороги и античная политическая свобода, и христианская свобода внутренняя. Эту свободу он назвал тайной. Ее он особенно ценил в том мире, где после казни его друзей декабристов «добро и зло, все стало тенью».

Ленский размышлял о таинственной сени гробницы, куда он красиво сойдет. А ворота на тот свет оказались виселицей.

Теперь поэт ощущает себя тоскующей тенью, лежащей из могильной глубины, чтобы «на милых бросить взор умильный». Младая тень умершой возлюбленной не вызывает у него желания отправиться в ад, подобно Орфею. Он чувствует, что теперь между ними «недоступная черта». Мир живых теней воз-



Александр Телин. Портрет Пушкина
(холст, масло).

никает лишь в стихах о Царском Селе, где «белые в тени дерев кумиры», которые когда-то бросали тень на душу поэта.

И все же в стихотворении «Заклинание» он умоляет «возвлюбленную тень» явиться к нему в любом облике: «Приди, как дальняя звезда, / Как легкой звук иль дуновенье, / Иль как ужасное виденье, / Мне все равно, сюда! сюда!»

Из мира теней приходят и призраки. Онегин после дуэли вынужден покинуть свое имение, где «окровавленная тень / к нему являлась каждый день».

Самозванец Григорий Отрепьев прямо ссылается на загробный мир: «Тень Грозного меня усыновила, / Димитрием из гроба наrekла». Нераскаявшийся грешник, неуспокоившаяся душа, восставшая из ада, управляет из гроба честолюбивым монахом. Казалось бы, что такое имя – «пустая тень», размышляет царь Борис: «Ужели эта тень сорвет с меня порфиру?» Наверное, подобные сомнения возникли и у Николая I, раз он запретил постановку «Бориса Годунова».

«Тень могилы хладной» – это еще и страх смерти, проекция ада в мир живых. Черный человек преследует Моцарта: «За мною всюду как тень он гонится».

Александр Корамыслов ПУШКИНСКОМУ ПРОРОКУ

Моё наречие – прохладно,
А мой глагол – совсем не жгуч...
Но обожгут тебя прикладом,
Тебя дубинкой обожгут –

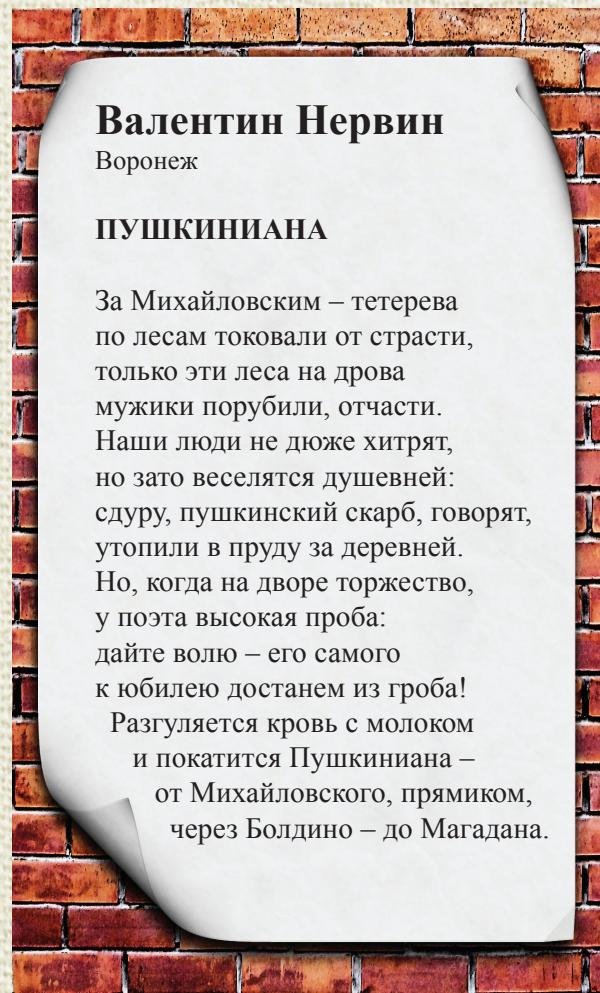
Я прилагательного пластирь
К твоим ожогам приложу,
Своё причастие, мой пастырь,
Как заживляющую пасту,
В уста разбитые вложу,
Позволишь если...

Или это укор, напоминание о грехе. Но Вальсин-
гам на упреки священника отвечает: «Тень матери не
вызовит меня отсель», – из ада чумного города, где
живые подобны теням.

Пытаясь материализовать мир теней, Пушкин
создает модель ада. В наброске к «Фаусту» это по
сути античный Аид, а грешников христиан варят
«гораздо далее» – в дантовском аду. Сопровожда-
емый Вергилием поэт во всех подробностях наблю-
дает муки и казни, «смущением томим». И вот еще
один ад, «геена гладная», куда дьявол бросает Иуду,
а Сатана возвращает ему поцелуй: «Лобзанием сво-
им насквозь прожег уста, / в предательскую ночь
лобзавшие Христа».

И все-таки в одном из стихотворений послед-
них лет («Из А.Шенье») он снова возвращается к
античному переходу в загробный мир, рассказывая
о смерти Геракла (Алкида). Одежда, подаренная ве-
роломным кентавром, прилипает к коже и начинает
жечь тело героя. Измученный болью Геракл сам го-
товит погребальный костер: «Треца горит костер; и
вскоре пламя, воя, / Уносит к небесам бессмертный
дух героя».

В образе Геракла взошел на античный костер,
став бессмертной тенью, сам поэт.

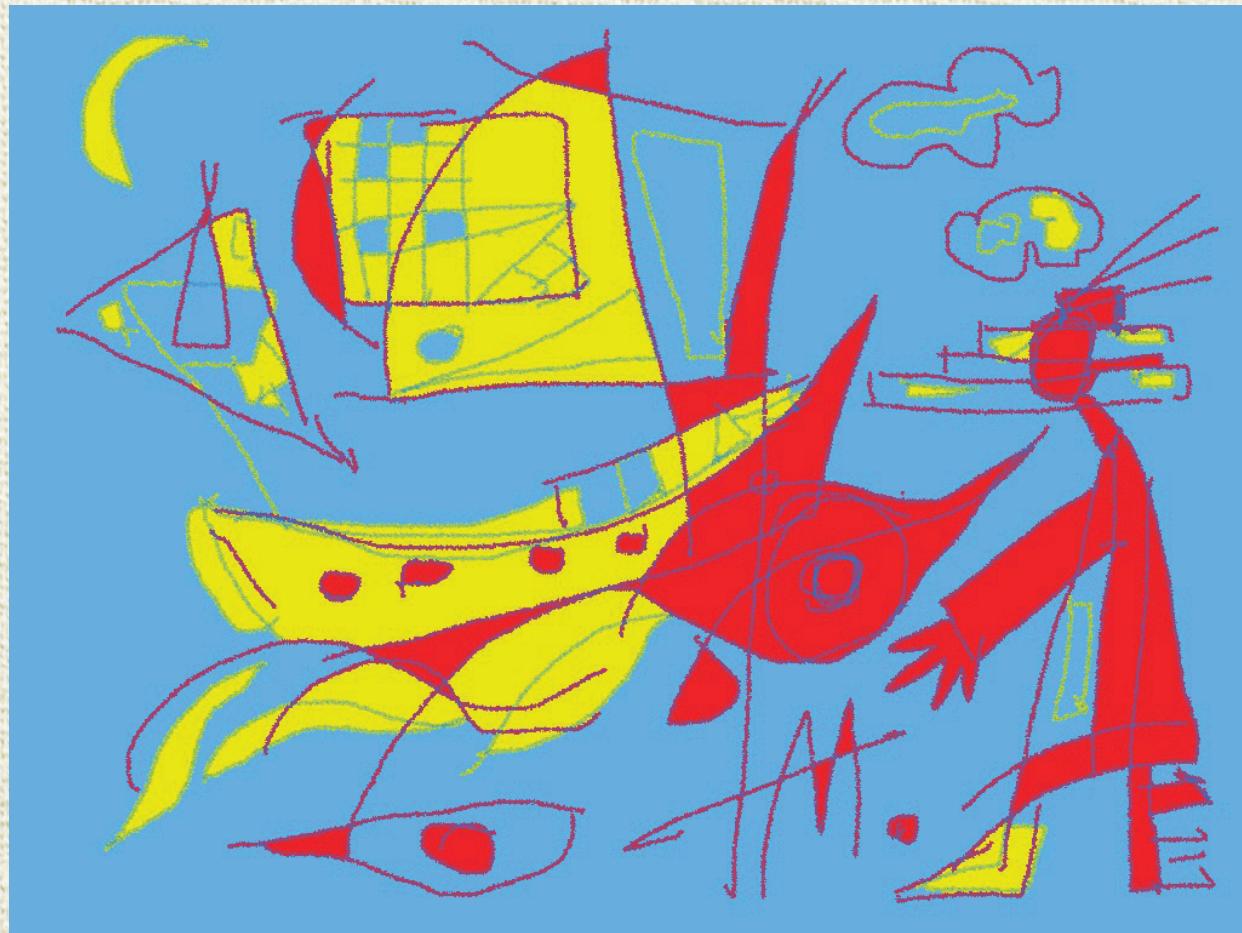


ФЕЛЛИНИ

феллини это не имя
это линия профиля
рожденная приливом
или на асфальте ливнем
луна выловлена из фонтана –
попалась на леску ласки
фрески в подземельях Рима
тающие от света взгляда Джулетты
 страсть стреноженная нежностью
женщины
автомобили
влюбленные в улицы
мужчины
отмеченные влечением к случайному
прохожий коснулся плеча
и остался статуей памяти
в патине печали
слова улетающие от смысла
белые флаги облаков –
капитуляция сопротивления влечению
мысли импульсы пульсы
а глаза влажны
и трепет чего-то слева сбоку
и слава богу
когда всем небом летит корабль феллини
без винта, мотора и лишних крыльев

Елена Кацюба





Специально для ПО

Галина Мальцева ДООС – стреказелла
«Корабль ФЕЛЛИНИ» (компьютерная графика)

Даниил Екимовский

* * *

Возвращая обратно наоборот
Ещё раз переживая déjà vu
Повтор перенося в прошлое
Через будущее в настоящее заново
Мысленно назад, в подпространство
Иллюзиями тогда
То же самое было
Вчера, завтра
Сейчас
И уже опять
Снова здесь, на том же месте
Ностальгируя о том, чего никогда нет

* * *

Свет приближающегося звука времени
Заставляет вдыхать дальше
Я на холодном бетонном полу
Ты тоже
Я забываю
Как страдать
Безвременно жалким клоуном
Обрисован силуэт жизни
Растворимо всё и даже оно
На выцветших плоских кадрах
Никто не сгубил себя
Пока

1507201416501655

0610201406341623

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

* * *

скучаю
вот вечности проклятье
из зала в зал
седые парики
и губы алые зелёного пространства
земля как девица
румянит щёки
и завивает в кудри облака
лучом очерчивает солнце собственное тело
очерчивает взглядом
глаз
границы собственной души
рука
небесное крыло
очерчивает слово
скучаю
я скучаю
по тебе

* * *

ну как тебе живётся
между мной и Богом
без имени
без тела
без души
пространство будущего слова
пространство будущей любви

* * *

на волосок
от слова
на волосок
от взгляда
всё
запредельно
так не бывает в жизни
и после смерти не бывает так
и вечность благоволит благословляя
антивечность
сижу в разбитой бочке Диогена
то камень брошу в солнце
то солнце брошу в камень

* * *

между нами ничего не было
только небо

* * *
некуда отвернуться

ты
за тридевять
земель
я
за тридевять небес

ни в этой жизни
ни в этом мире
ни в этом теле

по кругу
теперь и я по кругу
вокруг того что было
внутри того что будет

* * *

руки раскинула так широко
как зарево сердце окрасило жизнь
ещё долго деревья летели за мной
за эту покорность душе

* * *

когда мы превратимся в зеркала
я напишу
а ты произнеси
коснись губами слова
ты напиши
а я произнесу
когда мы превратимся в зеркала

* * *

плыву
по солнечному кругу
и дождь как черновик
и снег ветвист
и звук кристаллизуется
плыву
по солнечному кругу

ты ещё не знаешь
что есть берег

не отпускает боль
глотаю пустоту
скорей бы снег

* * *

жизнь распахнула все двери
свет был таким ярким
даже солнце исчезло
и море устало быть морем
и небо устало быть небом

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ

«Умерла моя вечность, и я её отпеваю.
Прости, Господь, что умер я так мало!
Сколько раз я по этой дороге
Возвращался с чужих похорон...»
Сесар Вальехо

*

Хочется вернуться в 2000 год,
Когда ещё жива жена Ирина.
Она затеяла ремонт квартиры,
Каждый день возвращаюсь в разрушенные стены
После трудового дня усталый, как чёрт,
А надо двигать мебель; нарезать и клеить обои.
Мир семейной жизни пахнет краской... Ничего хорошего,
Но так хочется вернуться и что-то сделать ещё для жены...

*

Хочется вернуться в 1980 год,
Когда ещё жива бабушка Феня.
И она провожает меня на автобус,
На прощанье долго машет сиротливо рукой.
Хочется вернуться, обнять и поцеловать ее одиночество.

*

Хочется вернуться в 1975 год,
Когда ещё жива мама Люба.
Она прислали мне, студенту, 300 рублей.
А я из гордости – сам обойдусь – вернул деньги обратно.
Вскоре мама умерла с невысказанной обидой на меня.
Хочется вернуться и потратить эти деньги
На поездку к маме...

*

Хочется вернуться в 1959 год,
Когда жив ещё мой отец.
Мама, угрожая ремнём,
Ругает меня за мои проказы,
А папа Вася мужественно защищает.
Но, не в силах сдержать мамин гнев,
Решительно уводит меня кушать мороженое.
Так хочется вернуться и снова пройтись по городу,
Держась за тёплую отцовскую руку.

*

Хочется вернуться в 1 мая 1955 года.
Все ещё живы и рады моему рождению.
А мне ещё некуда спешить,
И незачем доказывать себя другим...
Меня любят только за то,
Что я появился на белый свет...

*

Но лучше всего вернуться в 1952 год,
Когда папа и мама не знакомы...

Мария Галкина

Муром

* * *
скинем шубы
включим Шуберта
вальсы
снимем кольца
с безымянных пальцев

и
свалится
пизанская башня
сплетенных тел наших
на деревянный пол

молния – ярко-белая
черноволосый – гром

* * *
ли-те-ра-ту-ра
тур, фузете, тур –
крутит по нёбу
кончик языка.

по небу
крынка молока
разлита
топлёными облаками:

облако Блока,
сбоку – Набокова.

с тучи моей видно.

ли-те-ра-ту-ра,
почти как ло-ли-та,
как молитва.

* * *
виноградная Сена
по венам рассеяна
я рассеянная

бормочет вторник
с лицом дворника
осеннее что-то

пусты

у меня
весна и воскресенье

Кира Сапгир
оса ДООСа
Париж

История по-человечески

Бродский во сне и наяву

На руке у меня часы – массивный золоченый корпус, стрелок нет, а вместо циферблата синяя вселенная, в которой по кругу гуляют золотые звезды. На циферблате надпись... впрочем о ней после.

Итак, в високосный 96-й год, скосивший Бродского, ночью, в Париже эти часы мне приснились. Одновременно в голове прозвучала строчка:

«Часы, показывающие Вечность...»

Пронувшись, услышала по радио: этой ночью умер поэт Иосиф Бродский.

Я вспомнила строку из моего сна: что, если это последняя мысль поэта, пролетев над землей, была считана моим мозгом? – горделиво подумалось мне тогда. И правда: ее ритм был абсолютно тот!

* * *

Иосифа Бродского я впервые наяву увидела в Питере, куда меня повез Генрих Сапгир «знакомиться с гениями». В какой-то момент нашего в высшей степени сумбурного паломничества нас принесло на Большую Морскую к Борису Понизовскому, создателю «экспериментального театра».

Кристина Зейтунян-Белоус (Париж).
Портрет Иосифа Бродского.



Сегодня у Понизовского читает Бродский. Вот и он сам – в центре комнаты, стоит, откинув голову – рыжий, в рыжем вельветовом пиджаке. В стакан, заменяющий пепельницу, тычет окурок, пытаясь раздавить о дно. Полузакрыв глаза, читает, нараспев, чуть в нос – нервное пение, шаманство: «Джон Донн уснул...»

В салоне раздается мощный храп: изрядно перебрав, храпит Сапгир, убаюканный ритмом. Мне стыдно. «Постойте, постойте я сейчас, есть средство», – пытаясь сгладить ситуацию, бормочу я.

И начинаю громко цокать языком над ухом храпящего. Сапгир, всхлипнув во сне, временно смолкает.

«Плынет в тоске необъяснимой / Среди кирпичного надсада / Ночной кораблик негасимый...» – картиава читает поэт.

Новый залп храпа – проклятье!

«Сейчас, сейчас... есть еще способ...» – на сей раз я, ко всеобщему ужасу, испускаю протяжный свист. Храп, затихнув было, набирает мощь заново – только теперь он из ритмичного превращается в хаотичный. Чтение сорвано.

Это не помешало Сапгиру и Бродскому остаться друзьями.

* * *

Мы с моей лучшей подругой, Аленой Басиловой, женой смогиста Леонида Губанова, решаем сбежать от сумасбродных мужей-поэтов в Питер.

Приезжаем рано на Московский вокзал. Звоним по автомату подряд всем знакомым – в городе никого. Все в Москве. А кто не в Москве – у того дома ремонт. Или выключили воду. В общем, деваться некуда.

«Идем к Бродскому. Он нас пустит. Тут недалеко!» – решаю я.

Мы звоним Иосифу – тот, к счастью, дома. Не выказывая особого энтузиазма, тем не менее впускает нас, странниц, покрытых железнодорожной пылью.

Он живет в «доме Мурузи», том самом, знаменитом. У Иосифа с родителями в питерской коммуналке – двойная комната с аркой. За аркой отведенный Иосифу узкий пенал, письменный стол, прямо над ним кнопкой прикреплен портрет Ахматовой работы Модильяни. Там у Бродского пристанище и гнездо.

Иосифу явно не до нас: он дает интервью журналисту из западногерманской газеты.

«Я и Рильке...», «я и Гессе...» – слышится непрерывно. Журналист истово строчит в блокноте. Мы робко сидим у стеночки.

– Иосиф, а можно я душ приму? – спрашиваю я.

Увы, выясняется, что в доме горячую воду отключили.

«Вот что, я сейчас должен уйти, если хотите, посидите тут...» – с этими словами оба – Бродский и журналист – удаляются.

Мы одни. Ужасно хочется курить! Сигарет нет. Денег нет. Что делать? Алена выдвигает один за другим ящики письменного стола – о счастье! Нашелся блок «Филиппа Морриса»! Фирменный! Живем! Жадно затягиваемся. Жизнь удалась!

Отодвигается занавеска. К нам заглядывает очаровательный папа Иосифа – мы знаем, что он фотограф в порту:

– Ох уж этот мне Иосиф! Фигли-мигли иностранцы, ветер в голове! – сочувственно вздыхает папа. вечером мы, постранствовав по негостеприимному городу, возвращаемся к Иосифу. Он нас впускает, правда, очень неохотно. В комнате – вонючий дым коромыслом (в буквальном смысле). Во всех углах француженки в замшевых мини сидят, садят «Приムу».

* * *

– Генрих, на меня движется что-то страшное, надвигается какая-то темная стена небытия. Я знаю, что они меня вот-вот раздавят...

Дело происходит в нашей московской квартире на улице Щепкина. Бродский протягивает Сапгиру «Вечерний Ленинград» за 1963 год. Там тиражированный донос: «Несколько лет назад в околовлитературных кругах Ленинграда появился молодой человек, именовавший себя стихотворцем. На нем были вельветовые штаны, в руках — неизменный портфель, набитый бумагами. Зимой он ходил без головного убора, и снежок беспрепятственно припудривал его рыжеватые волосы...» (Как видите, не без претензии на художественность!) Далее: «...Этот пигмей, самоуверенно карабкающийся на Парнас, не так уж безобиден. Признавшись, что он «любит родину чужую», Бродский был предельно откровенен. Он и на самом деле не любит своей Отчизны и не скрывает того! Им долгое время вынашивались планы измены Родине...»

Все происходит за пару недель до суда над Иосифом, за которым следовали, как общеизвестно, ссылка, север.

* * *

Отъезд Бродского. Мы приехали в Питер, специально чтобы его проводить. В ночь перед отлетом, пьяный, безумный поэт где-то на чьей-то квартире



метался, кружил несузанно, махая, словно вороньими крыльями, фалдами какого-то неизвестно для чего надетого фрака, с безумным хохтом распевая:

«Подам, подам, подам
Подам документы в Овир!
Подам, подам, подам,
Ты прими меня, Голда Меир!»

* * *

В Питере тогда же объявили конкурс на замещение вакантной должности Бродского. Ходили из квартиры в квартиру, там читали и пили белые ночи напролет участники – Кривулин, Охапкин, примкнувший к ним москвич Алейников.

У поэта М. Еремина московский гость, вдребезги пьяный, спал в коридоре на сундуке, с ногами и головой, беспомощно свисающими вниз. Там-то его и нашла наша доблестная милиция. Взяли тепленьким под бёль руки – и доставили в «большой дом» на Литейном. Там на полном серьезе спросили:

– Товарищ Алейников, вот вы приехали соревноваться на замещение вакантной должности Бродского. А как вы можете участвовать, если у вас нет ленинградской прописки?

И правда! Нет прописки – неоткуда выписать, а следовательно нельзя и обвинить в тунеядстве! Ну, и какой же Алейников после этого Бродский! Железная логика!

* * *

...Все же мне хочется дорассказать о часах. Считайте меня гнилым мистиком, но несколько дней спустя после смерти Бродского я увидела эти часы наяву. Прогуливаясь по крытому пассажу Вивьен, я заглянула в художественно-сувенирную лавку при Национальной французской библиотеке, где тогда трудилась. Там в витрине лежали часы – те самые, из сна! По ободу, вокруг голубой «вселенной» точечными золотыми буквками вилась надпись по-французски:

Le temps scintille et le songe est savoir. Paul Valery.
Я ее перевела. Получилось:
«Время – мерцанье. Сновиденье – в Еденье». Поль Валери.

Сергей Грохотов

РАХМАНИНОВ

Мы все одной страною рождены.
Пойдем туда, где скиф зеленоглазый
Пасет своих коней косматых табуны
Среди степей, косой не тронутых ни разу.

А на Страстной, крикливой, как базар,
Извозчичьих боков тугая вата.
В морозном воздухе дыханья влажный пар
Ложится инеем на бороды лопатой.

Но неба зимнего тревожна желтизна,
И звон колоколов – надтреснутый и дикий.
Над семихолмием столицы взнесена
Как погребальная свеча – Иван Великий.

О, руки тяжкие, святую маяту
Вы в каждом пальце затаили.
Ее вам не избыть ни в свете, ни в скиту,
Ни на чужбине – лишь в могиле.

...Все тот же, тот же сон – прогнать его нет сил.
О боже, отчего душа так страстно ищет
Средь белозубых лиц, среди стерильных вилл
России скомканной родные пепелища?

Дмитрий Ларионов

Нижний Новгород

Пальцы помнят
Сосновую древесину клавиши.
Белая облицовка
Скрывает тангенциальный распил.
Пахнут гаммы люпином. Когда играешь –
Блекнет механика,
Если частицу себя вкрапил.

Не нужен голос
В словах. И сакрального смысла...
Только слушай поверхность
Частотных волн.
Душа – переспелая яблоня. Налилась, наклонилась,
И каждым яблоком сладким
На травы падает – Он.



Пианист и клавиши

Должна быть
Ни гибкой, ни сохлой, ни жесткой:
Клавиша – точность.
Научен годами пианист...

Твоя нотная книга скомпонована вёрсткой,
Память – микроинсульт.
Вслед за ним – каждый лист

Видом знаков
Рифмующих метром нежность,
Трансформирует в музыку
Легкость набитой руки.
Чередуются белый и черный – неспешно,
И лишь сердце живое,
Как прежде, стучит – вопреки.

Ирина Бессарабова

ДООС – муви-стрекоза

БЕЛЫЙ КОНТРАБАС

В мой сон вплывает белый контрабас,
В нём уместились гнезда сотни птиц.
Глас первый, глас шестой и пятый глас –
Высоты струн иль перечень страниц

Молитвослова, звучного, как стон?
Здесь строки повторяют нотный стан.
Здесь шепот дышит, как последний дом,
Когда враги вошли и город сдан.

И только контрабас небесный жив,
Он облаком свободным уплывёт,
Туда, где напрягая струны жил,
Непобедимо музыка живёт.

Кёнигсберг (Калининград), апрель 2015

Ольга Лебединская

ДООС – одуванчик
Днепропетровск

* * *

Пока молчат Шопен и Бах,
Рахманинов и иже,
Давай завоем кое-как
И станем к Богу ближе.

Давай озвучим тишину
Совсем до воплощенья,
Давай найдем страну-струну,
Войдем без разрешенья.

И – звуком, как скалу дельфин,
Мы Бога осязаем.
И – мир, печальный до седин
Мы раem называем.

Ведь все согласно именам
Живет и происходит.
Пусть, милый, эта тишина
Себя во всем находит.

Не бойся на луну вытья!
Всё что за ним — лукаво.
Ведь на молитву, знаю я:
Любой имеет право



Конкурс Чайковского – наша марка

Мадина Музарова

Ташкент

* * *

Оркестр, свечи... тишина...
Звучит лишь музыка одна,
Что тянет спрыгнуть с этой фальши
И убежать как можно дальше.

А он стоит, врастая в пол,
Он видит барышень и стол.
Вокруг него седые дамы,
Всё роют свадебные ямы.

Оркестр, свечи... суeta...
Улыбки, ласки... пустота...
Назад оглядываться поздно,
Чужие очи смотрят грозно.



Владимир Павлов

Великие Луки

11 раз видеостих-палиндромон

11 раз,
повторю для вас,
чтобы знали и применяли,
люди

Д – УживагоБогавижУ – П
О – УживагоБогавижУ – А
С – УживагоБогавижУ – Л
Т – УживагоБогавижУ – И
О – УживагоБогавижУ – Н
Е – УживагоБогавижУ – Д
В – УживагоБогавижУ – Р
С – УживагоБогавижУ – О
К – УживагоБогавижУ – М
И – УживагоБогавижУ – А
Й – УживагоБогавижУ – Н

3.03.2015

Игорь Крестьянинов

ДООС – ижевавр
Ижевск

* * *

Почему все не так?
И песочек сквозь пальцы.
Потому что – дурак,
Вознесенный в страдальцы.

Жил бы тихо во мгле
И супонил банкноты.
От страстей обомлев
До пришествия рвоты.

Ты какой-то другой.
Никому непонятный.
Неизвестной рекой
Повернувшись обратно.

Иосиф Рабинович

КАК ВСЕГДА

Не вдовою Клико под морозом,
Не избушками возле рек,
Пахнет лаптями и навозом
Золотой девятнадцатый век,
Глубже глянь – с афоризмами странными
Выступает мудрый Монтень,
А в костре догорает Жанна,
Так не надо тень на плетень...
Что Россия там, что Европа,
Однаковы все грехи,
Смертным боем лупят Эзопа,
За поэзию, за стихи!
Мчится времени колесница,
Так же грозен судьбы оскал,
И Камоэнс в рабстве томится,
А какие стихи писал...
Или с радости что ли весенней,
Ведь не старые, полные сил,
А полез же в петлю Есенин,
Маяковский курок спустил.
И затравленный жизнью скотской,
Будто как поэт – не у дел,
Так неизданным умер Высоцкий,
Только песню хриплую спел.
Так к чему же трепать себе нервы,
И ссылааться на те года –
Вот уже наступил двадцать первый
И всё будет так, как ВСЕГДА!

Кирилл Ковальджи

ДООС – кирилловавр

ВЕРОНИКА ПОЛОНСКАЯ

Защищилась тогда от поэта,
отстояла себя...

Гору лет
после выстрела из пистолета
перешла —
продолжения нет.

Защищилась, себя отстояла,
родилась, мол, актрисой на свет,
но актриса тогда почему-то
за минуту, за четверть минуты
до финала
в лицо не узнала
настоящую роль...

Застрелился поэт.

Говорили потом:
ухватился
за отказ — в оправданье себе,
застрелился поэт,
уклонился
от того, что чернело в судьбе,
упредил середину тридцатых,
с женским именем гибель связал,

Продолжение темы
№ 6 (50) 2013 г.
«Маяк 120»



написал он, что нет виноватых,
отчего погибал —

не узнал,
потому в полный рост, как бывало,
молодой, упоенный Москвой,
он на площади,

весь из металла,
с непокрытой стоит головой,
но в глазах у неё

и сегодня:
дымяка пороха... стон...

И опять —
с пулей в сердце
он голову поднял,
смотрит,
силится что-то сказать...

Салават Кадыров

Верхний Уфалей

* * *

если маяковский маячит
а достоевский чем-то достает
это в жизни что то значит
это надежду нам дает
что бродский как по броду
через реку жизни переведет
вот это и нужно народу
идти все время вперед
и вознесенский нас возносит
на поэтическую высоту
потому что душа просит
поверить в светлую мечту

* * *

я гоголя не боюсь
мне сам пушкин не указ
если стихами не отбьюсь
сбегу — долой с глаз
пусть я на поле поэзии один
барахтаюсь в городе своем
и даже сам салтыков-щедрин
с тютчевым не поймают нипочем
пусть я в жизни что-то натворил
но я переселю себя и перетерплю
а их я не боюсь а просто говорю
потому что уважаю и люблю

* * *

Я всегда опасался
строго режима
исправительной
силлабо-тоники,
где все в одинаковой робе
подстриженных строк,
рифмованные по ранжиру,
маршируют строем
по широким просторам страны
и поют яростные песни
переделать всех на лад,
потому я не чалюсь,
не мотаю от звонка до звонка,
а нахожусь в постоянном
поэтическом розыске,
чтобы найти себя.

Эммануил Нирмал

КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ ЧАЙКА

О взаимоотношениях Чехова и Левитана написано большое число книг и огромное количество статей. Но во всем можно найти нечто новое, неизвестное, таинственное. Пусть инструментом открытий послужит древнее знанье!

Преодолев столетья резкого противопоставления, наука и эзотерика начинают сближаться. Очень медленно, но неуклонно происходит их смыкание. Наука находит в мистической мудрости целостность восприятия мира. Этой целостности мировоззрения не хватает науке. Ее сила в анализе, в узкой специализации своего направления. Во всякой науке своя модель мира. У математиков – математическая модель, у филологов – филологическая, у психологов – психологическая и так далее. Каждый знает свой кабинет, но не знает, что находится по соседству. Объединять науки должна философия, но она стала слишком отвлеченной, безразличной к судьбе конкретного человека. Эзотерическое знание связывает разные измерения информации теорией и практикой.

Одним из эзотерических учений является каббала. Она говорит о том, что Творец создал мир посредством букв и чисел. Те и другие взаимосвязаны, как разные формы одной информации. Чтобы лучше понимать внутренний смысл слов и чисел, нужно заменять цифры буквами, а буквы цифрами.

Этот принцип можно использовать в любом языке, где буквы обозначают цифры. Но традиционная основа каббалистического учения – это иврит. С течением времени в иврите менялось произношение, но числовое значение букв сохранилось с глубокой древности.

Считается, что в дате рождения человека зашифрована информация о его судьбе. Принцип замены цифр буквами – один из видов ее расшифровки. Есть свои правила этой замены, достаточно свободные. Разрешается переставлять цифры числа, убирать или приставлять нули.

Вспомним дату рождения художника Исаака Левитана по новому стилю. 30. 08. 1860 Взьмем три цифры и запишем их как 300 -8 – 80. Напишем соответствующие этим числам буквы иврита – шин, хэт, фей. Подставив огласовки (они не являются буквами алфавита) получаем слово шахаф. И вот – самый замечательный момент поиска: что же значит это слово? Шахаф значит на иврите чайка. Как известно Чехов написал пьесу «Чайка» после посещения Левитана, объявившего о своей попытке застрелиться. Обращает внимание тот факт, что слово «чайка» на иврите мужского рода. Это меняет привычный акцент пьесы с героини на героя.

Пусть эзотерическое учение открывает новые пути познавать мир и созерцать связи всех вещей!

Продолжение темы
№ 1 (63) 2015
«Созвездие – Чехов»



Марина Тарасова

* * *

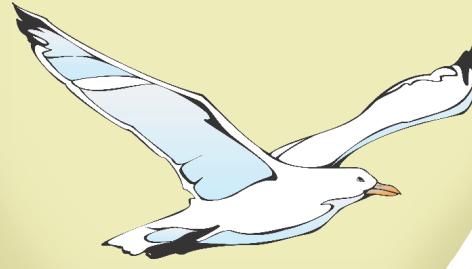
Я чайка, я чукча, в Анадырском театре я прима. Чукчанский издох коммунизм. Мы словно участвуем в чьем-то теракте с уже непонятным названием «жизнь».

Озябшие птицы сбиваются в кучки, на кость и на шкуры закончился спрос, по роли давно я такая же чукча с повисшим крылом освещенных волос.

Я в жизни свое получила с избытком. Бугристое море – почти океан. На катер собрал дорогие пожитки, отчалил последний партийный шаман.

Я чайка, я чайка... заламывать руки привычен был вечно бессонный конвой – наш преданный зритель, в крови твои руки и сердце пустою скрипит кобурой.

Искусство – оно все же сладкая пайка, счастливые слезы в рассыпчатом сне. Летит над заливом голодная чайка в мерцающем, чеховском круглом пенсне.



Галина Свинцова

Казань

Литературой Идене

ГЕНИЙ СЛОВ КРЫЛАТЫХ...



Александр Сергеич... Сердце русского человека привычно замирает при этом священном имени...

А вот и не угадали! Не один Пушкин имел эксклюзивное право его ношения. Другой москвич с не менее, если не более в свое время известной и не менее смешной фамилией получил это имя на несколько лет раньше российского поэтического гения.

Это он с небрежностью светского льва носил модный взбитый кок и стильные круглые очки. Его красота и легкомыслие в сочетании с наследственным, а также приобретенным на блестящем служебном поприще богатством позволяли ему некоторые шалости, но не мешали в то же время быть вундеркиндом, знатным к 11-ти годам 6 языков (французский, немецкий, английский, итальянский, самостоятельно изучил латинский и греческий, позже персидский, арабский и турецкий) и уже осмелившимся быть знаменитым студентом Московского университета, а к 17-ти годам закончить три его факультета (словесный, юридический и математический). Подумать только! Вундеркинд посещал университетские занятия в сопровождении гувернера! Но не будем забывать, что это был всего лишь ребенок.

Ребенок повзрослел, и непозволительные проступки (дуэль с трагическим концом, в которой он был секундантом на стороне убийцы) выбросили его за пределы столиц на беспокойный Кавказ, где он сумел неожиданно получить известность как один из самых знаменитых русских дипломатов.

Наконец, он, заявивший на весь мир о том, что «счастливые часы не наблюдают», «блажен, кто верует, тепло ему на свете», «чины людьми даются, а люди могут обмануться», своим умом привел в восторг великого Пушкина.

Ну, вот и славно! Вас наверняка осенила догадка. Конечно, это бессмертный Грибоедов, так трагически рано закончивший свое блестящее поприще! Это он – отпрыск знаменитого дворянского рода, родоначальник которого Ян Гржибовский – выходец из Польши.

При встрече с Грибоедовым каждому приходило на ум: и все эти бесчисленные таланты – одному?! Возможно ли это! Почему столь расточительна природа, наградившая всем – всем! – одного избранного.

Не лучше ли было разделить меж добрым десятком достойных людей его дипломатический ум, дарование пианиста, талант композитора, невероятные способности полиглotta, славу Дон Жуана, успех карьерный и оставить потомкам только одно: его изумительный поэтический гений, сделавший его автором одного прославленного в веках произведения.

«О стихах не говорю! Половина войдет в пословицу!» – воскликнул Пушкин, прочитав «Горе от ума». И вот уже почти 200 лет мы не устаем повторять вслед за Грибоедовым, что «свежо предание, а верится с трудом», «служить

бы рад, прислуживаться тошно», что «злые языки страшнее пистолета!». И вот уже почти 200 лет мы слушаем в исполнении арфы вальсы Грибоедова в самых престижных классических концертах!

Какой счастливчик! Как романтично складывается его жизнь!

Еще студентом он бросается на войну с Наполеоном Бонапартом, записавшись добровольцем на военную службу – корнетом в гусарский полк. Но судьба берегла его до поры до времени – он еще был нужен провидению для выполнения возложенной на него великой миссии.

Итак, в боевых действиях он участия не принимал, всю кампанию провел в резерве. Разочарованный Грибоедов выходит в отставку и поступает на службу в коллегию иностранных дел. Вот где ему суждено было встретиться с Пушкиным – они оказались сослуживцами!

Грибоедов успевал всюду. Но гусарская жизнь не прошла даром! – юный кутила был замечен во многих шалостях: в Брест-Литовске въехал верхом на лошади на 2-ой этаж на бал, куда его не пригласили. Или забрался в польский костел, где во время богослужения стал играть на органе. Всех восхитил своей игрой, пока в самый блестящий момент внезапно не перешел на «Камаринскую».

За ним по пятам ходила репутация отчаянного повесы. Дурачества его становились темой множества анекдотов о веселой охоте за чужими женами.

Он даже выработал себе несколько пренебрежительный взгляд на женщин:

«Я враг крикливого пола. Чему от них можно научиться? Они не могут быть ни просвещены без педантизма, ни чувствительны без жеманства. Рассудительность их сходит в недостойную расчетливость и самая чистота нравов – в нетерпимость и ханжество. Они чувствуют живо, но не глубоко. Судят остроумно, только без основания, и, быстро схватывая подробности, едва ли могут постичь, обнять целое. Есть исключения, зато они редки; и какой дорогой ценой, какую потерю времени должно покупать приближение к этим феноменам! Словом, женщины сносны и занимательны только для влюбленных».

Одна из интриг с женщинами привела к нашумевшей дуэли Шереметева с графом Завадовским из-за знаменитой балерины Истоминой, о которой Пушкин в «Евгении Онегине» писал: «Блистательна, полу воздушна, / Смычку волшебному послушна, / Толпою нимф окружена / Стоит Истомина. Она, / Одной ногой касаясь пола, / Другою медленно кружит, / И вдруг прыжок, и вдруг летит – / Летит, как пух от уст Эола».

Влюбленный Шереметев был убит, Якубович – секундант Шереметева – был признан засильщиком и сослан на Кавказ. Убийца Завадовский выслан за границу, а вот его секундант Грибоедов – счастливчик! – не понес никакого наказания, что дало повод к неким слухам. Возможно,

потому, что, как говорили, Грибоедов был масон. Слухи усилились, когда стало известно о жестоком подавлении войсками крестьянского бунта в поместье матери Грибоедова. Мать так старалась поддерживать высокий статус достойной её сына жизни, что не гнушалась ничем и замучила своих крестьян поборами.

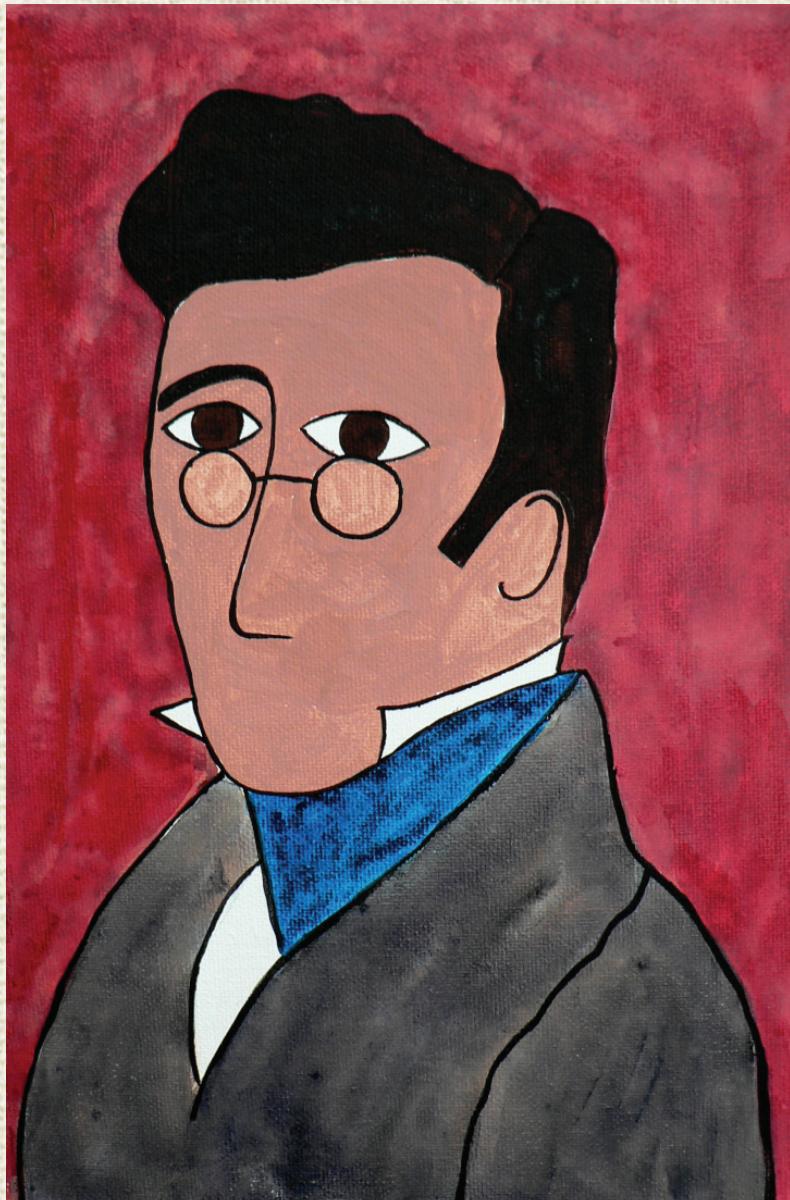
Нуждаясь в средствах, Грибоедов летом 1818 года определился секретарем Персидской миссии при главнокомандующем Кавказским корпусом генерале Ермолове. Но ехать в Персию Грибоедову не хотелось. «Представь себе, - писал он своему близкому другу Бегичеву, - что меня непременно хотят послать – куда бы ты думал? – в Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничего не помогает; однако я третьего дня по приглашению нашего Министра был у него и объявил, что не решусь иначе, как если мне дадут два чина тотчас при назначении меня в Тегеран. Он поморщился, а я представлял ему с всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен (не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно?), словом, - невозмож но мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия. – «Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования». – «Нисколько, музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии».

Грибоедову предоставили выбор: русская миссия в США или на Кавказ, в Персию. Он выбрал Кавказ.

По дороге туда ему предстояла еще одна дуэль с сосланным Якубовичем – известным бретером. Но и здесь – о счастливчик! – Грибоедов остался жив! Правда, был ранен в руку, повредил мизинец. Якубович, увидев это, в сердцах крикнул ему: «Хоть на фортечках стучать не будешь!» С момента этого ранения Грибоедов носит на поврежденной фаланге левого мизинца металлический наперсток – подобие протеза. А что касается игры на «фортечках», то – да, как раз стучал... когда металлический мизинец завершал пассаж.

Кавказскую жизнь скрашивали друзья – Кюхельбекер, грузинский поэт Александр Чавчавадзе... Грибоедов проводил вечера в этом гостеприимном семействе, учил маленькую дочь Чавчавадзе Нину играть на рояле.

В феврале 1819 года русская дипломатическая миссия прибыла в Тавриз – резиденцию наследника шахского престола Аббаса-Мирзы, затем была принята шахом в Тегеране.



Полина Ольденбург. Портрет А.С.Грибоедова.

«Пребывание в Персии и уединенная жизнь в Тавризе сделали Грибоедову большую пользу, - писал позже Бегичев. – Сильная воля его укрепилась, всегдашнее любознание его не имело уже препяд и рассеяния. Он много читал по всем предметам наук и много учился».

По Гюлистанскому трактату русская миссия имела право требовать у персов возвращения русских солдат – раненых и дезертиров. В результате осенью 1819 года Грибоедов привел в Тифлис целый отряд из семидесяти сарбазов, за что был представлен генералом Ермоловым к награде.

Грибоедов всегда был склонен к литературным занятиям. Но большая мечта не оставляла поэта. Он хотел создать нечто такое, что потрясло бы его современников.

Пока еще литературные опыты не были столь успешными.

Но вот в один прекрасный момент в Тифлисе ему приснился вещий сон.

Во сне поэт увидел своего близкого друга, который

спросил: написал ли он для него что-нибудь? Грибоедов ответил, что давно уже не пишет. «Дайте мне обещание, что напишете». – «Что же вам угодно?». – «Сами знаете». – «Когда же должно быть готово?». – «Через год непременно». – «Обязываюсь».

Грибоедов добивался годового отпуска, чтобы написать обещанное. Отпуск ему был предоставлен. А в марте 1823 года он завершает комедию «Горе от ума».

«Последние акты пьесы, – вспоминал Бегичев, – написаны в моем саду, в беседке. Вставал он в это время почти с солнцем, являлся к нам к обеду и почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. До чего приятны были для меня частые беседы наши вдвоем. Сколько сведений он имел по всем предметам! Как увлекателен и одушевлен он был, когда открывал мне нараспашку свои мечты и тайны будущих своих творений! Много он рассказывал мне о дворе персидском и обычаях персиян, а также о Ермолове и об экспедициях, в которых он с ним бывал».

Он был скромен и снисходителен в кругу друзей, но сильно вспыльчив, заносчив и раздражителен, когда встречал людей не по душе. Тут он готов был придиаться к ним из пустяков, и горе тому, кто попадался к нему на зубок... Вот что рассказывает П.А.Каратыгин: «...Когда Грибоедов привез в Петербург свою комедию, Николай Иванович Хмельницкий просил его прочесть ее у него на дому. Грибоедов согласился. По этому случаю хозяин сделал обед, на который пригласил нескольких литераторов и артистов.

В назначенный час собралось у него небольшое общество. Обед был роскошен, весел и шумен. После обеда подали кофе и закурили сигары. Грибоедов положил рукопись своей комедии на стол. В числе гостей был некто Федоров, сочинитель драмы «Лиза» и других уже забытых пьес. Он был человек очень добрый, простой, но имел претензии на остроумие.

Покуда Грибоедов закуривал свою сигару, Федоров, подойдя к столу, взял комедию, покачал ее на руке и с приступной улыбкой сказал:

– Ого! Какая полновесная! Это стоит моей Лизы.

Грибоедов посмотрел на него из-под очков и отвечал сквозь зубы:

– Я пошлостей не пишу.

Федоров улыбнулся и поторопился прибавить:

– Никто в этом не сомневается, Александр Сергеевич; я не только не хотел обидеть вас сравнением со мной, но, право, готов первый смеяться над своими произведениями.

– Да, над собой-то вы можете смеяться, сколько вам угодно, а я над собой – никому не позволю.

– Помилуйте, я говорил не о достоинствах наших пьес, а только о числе листов.

– Достоинств моей комедии вы еще не можете знать, а достоинства ваших пьес всем давно известны.

– Право, вы напрасно это говорите, я повторяю, что вовсе не думал вас обидеть.

– О, я уверен, что вы сказали не подумавши, а обидеть меня вы никогда не сможете.

Хозяин от этих шпилек был как на иголках, и, желая шуткой замять размолвку, взял за плечи Федорова и, смеясь, сказал ему:

– Мы за наказание посадим вас в задний ряд кресел.

Грибоедов, ходя по гостиной с сигарой, отвечал Хмельницкому:

– Вы можете его посадить, куда вам угодно, только я при нем своей комедии читать не буду.

Федоров покраснел до ушей и походил в эту минуту на школьника, который сilitся схватить ежа – и где его ни тронет, везде уколется...».

Единственный человек, суда которого боялся создатель бессмертного «Горя от ума», был баснописец Иван Крылов. С трепетом направился к нему первому Грибоедов, чтобы показать свой труд.

– Я привез манускрипт! Комедию...

– Похвально. Ну, что же? Оставьте.

– Я буду читать вам свою комедию. Если вы с первых сцен попросите меня удалиться, я исчезну.

– Извольте сразу начинать, – ворчливо согласился баснописец. Проходит час, другой – Крылов сидит на диване, свесив голову на грудь.

Когда же Грибоедов отложил рукопись и из-под очков вопросительно посмотрел на старика, его поразила перемена, происшедшая в лице слушателя. Лучистые молодые глаза сияли, беззубый рот улыбался. Он держал в руке шелковый платок, готовясь приложить его к глазам.

– Нет, – замотал он тяжелой головой. – Этого цензоры не пропустят. Они над моими баснями куражатся. А это куда похлеще! В наше время государыня за сию пьесу по первопутку в Сибирь бы препроводила. Вот вам и Грибоедов.

Эти слова оказались пророческими. При жизни Грибоедова его комедия не была ни напечатана полностью, ни поставлена на сцене.

«Первое начертание этой сценической поэмы, – с горечью писал Грибоедов, – как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было».

Но даже опубликованные отрывки сделали Грибоедова знаменитым. Пьеса ходила по столице в бесчисленных списках. Все же первым изданием она вышла лишь в немецком переводе в 1831 году. Наконец, в 1833 году Николай I разрешил напечатать комедию в России – «чтобы лишить ее привлекательности запретного плода».

Ничего равного этой комедии Грибоедов больше не написал.

В мае 1825 года Грибоедов прибыл в Киев. Многие отмечали мрачное настроение поэта. Он сам писал Бегичеву:

«Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянетяся. Тоска неизвестная! Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии. Сделай одолжение, подай совет, чем мне себя избавить от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди...».

Но удача не оставила поэта и в жестокие времена подавления декабристского восстания 1825 года.

Общение с князем Трубецким, с другими членами тайного южного общества не привело Грибоедова к декабристам. Известны его слова: «кубийственная болтовня!». Они были сказаны как раз в адрес тех самых «мудрецов, намечающих в пять минут все переустроить». Кроме того, рассеянный образ жизни поэта был слишком хорошо известен его друзьям.

«Люди не часы, – писал он. – Кто всегда похож на себя и где найдется книга без противоречий?».

Тем не менее, в январе 1826 года Грибоедов был арестован – недаром в бумагах декабристов находились списки его комедии! – а уже 11 февраля находился на гауптвахте Главного штаба в Петербурге, где 4 месяца провел в заключении. Ходили слухи, что поэт был вовремя предупрежден об аресте генералом Ермоловым и успел уничтожить важные бумаги. Сам Грибоедов в Следственной комиссии и в личном письме к царю полностью отрекся от участия в делах тайного общества, хотя и не скрывал, что «брал участие в смелых суждениях насчет правительства». Сыграло свою роль и заступничество генерала Паскевича, члена Следственной комиссии.

Впрочем, отношение к арестованным на гауптвахте Главного Штаба нельзя было назвать чрезмерно строгим.

Вспоминает полковник Липранди:

«...Из прихожей стеклянная дверь, через нее я вижу несколько человек около стола за самоваром; все это во втором ночи меня поражало. За чайным столом сидели: бригадный генерал Кольм, известный Грибоедов, адъютант Ермолова Войков, отставной подпоручик Тучков, предводитель дворянства Алексеев. Через час мы все были как старые знакомые. Расспросам и взаимно сообщавшимся сведениям не было конца. Содержались мы за свой счет, обед брали из ресторации, позволено было выходить вечером сunter-офицером для прогулки. Книг, набранных Грибоедовым, было много...».

Довольно скоро Грибоедов был освобожден – с полным «очистительным аттестатом».

Поэт сразу уезжает на Кавказ.

В июле 1826 года началась русско-персидская война, Грибоедов участвовал в военном походе на крепость Эривань.

С 1827 года при новом наместнике Кавказа – его родственнике Паскевиче – Грибоедов ведает дипломатическими сношениями с Турцией и Персией.

После падения крепости шах готов был на территориальные уступки, хотя боялся контрибуции. В результате дипломатических переговоров в феврале 1828 года Персидская миссия заключила Туркманчайский мир, по которому Персия навсегда уступала России Нахичеванское и Эриванское ханства и обязывалась уплатить 30 миллионов рублей контрибуции.

Заслуги Грибоедова в заключении Туркманчайского мира были весьма заметны. Именно его отправили в Петербург с Трактатом о мире.

15 марта 1828 года император принял Грибоедова. За успешные действия генерал Паскевич был пожалован званием графа Эриванского и миллионом рублей награды, а молодой дипломат – чином действительного статского советника, орденом Святой Анны 2-ой степени с алмазами, медалью за персидскую войну и четырьмя тысячами червонцев.

Все, казалось бы, складывалось для Грибоедова в высшей степени благоприятно, но некая тайная грусть мешала ему.

«Случилось обедать с ним у Грече, – вспоминал Полевой. – Я увидел Грибоедова за фортепьяно; он аккомпанировал известному Този и какому-то другому итальянцу. Дuet кончился, Грибоедов был окружен многими. Некоторые поздравляли его с почестями, о чем ярко напоминали бриллианты, украшавшие грудь поэта. Другие желали знать, как он провел время в Персии.

– Я там состарился, – отвечал Грибоедов. – Не только загорел, почернел, но и в душе не чувствую прежней молодости!».

Бегичеву при встрече он сказал: «Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобой более увидимся». – «К чему эти мысли? Ты бывал и в сражениях, но Бог тебя миловал». – «Я знаю персиян, – отвечал он. – Аллаяр-хан мой личный враг, он меня уходит! Не подарит он мне заключенного с персиянами мира».

Вскоре Грибоедов был назначен «полномочным министром» в Персию для обеспечения выполнения условий договора.

Назначая Грибоедова послом в Тегеран, император желал придать договору необратимый характер, чтобы обезопасить армию от флангового удара – шла русско-турецкая война.

По пути в Персию Грибоедов заехал в Тифлис.

«Я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовской, за столом сидел против Нины Чавчавадзе...»

Все на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, или что другое, придало мне решительность необычайную, выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать». Она меня послушалась, верно, думала, что я усажу ее за фортепьяно... Мы взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее... нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день».

Счастливчик Грибоедов, первый жених Российской империи, дожив до 34 лет и имея все регалии, о которых можно только мечтать, играючи получил в невесты пятнадцатилетнюю княжну Нину Чавчавадзе – к тому же она уже была чужая невеста! И тут же – буквально днями – повенчался с ней, несмотря на ее юный возраст! И несмотря на то, что он (по своему положению) должен был получить высочайшее соизволение на брак от самого государя.

Но Грибоедов не ждет – он получает разрешение Паскевича, ввиду той спешности, с которой он должен покинуть Грузию, дабы ехать в Персию по месту своей службы. Паскевич берет на себя смелость дать такое разрешение Грибоедову, зная, что не вправе этого делать. Однако обстоятельства диктуют действовать без промедления – молодому послу нужно отправляться в путь.

Грибоедов остается дипломатом даже в письме к своему другу, которому он пишет: «Любовь не заглушит во мне чувство других обязанностей. Я буду вдвое старательнее за себя и за нее».

Николай I, которому доложили о нарушении, принял решение считать брак Грибоедова законным. Православная княжна из богатой семьи как невеста чиновника, разумеется, не вызвала возражений. К тому же она была дочь генерал-майора, грузинского поэта и общественного деятеля.

Лихорадка, внезапно посетившая поэта, ухаживания за nim юной невесты – всё это побудило Грибоедова спешить со свадьбой.

Вечером 22 августа 1828 года в Тифлисском Сионском соборе состоялось венчание статского советника Александра Грибоедова и грузинской княжны Нины Чавчавадзе.

Из-за пароксизма лихорадки, охватившей его во время

бракосочетания, он уронил на пол обручальное кольцо, что смущило многих, но впервые поэт чувствовал рядом с собой по-настоящему любимого человека.

На свадьбе – веселой и неутомимой по-грузински – отплясывает лучший танцовщик Грузии юный Николоз Бараташвили. Будущий грузинский Лермонтов со столь же трагичной судьбой и такой же сверкнувшей метеором короткой жизнью.

Вместе с женой в начале октября прибыл Грибоедов в Тавриз. Данное ему поручение было очень трудным: взыскать с персов полностью контрибуцию за прошлую войну. Он несколько раз писал в Петербург, что персидская казна пуста, а страна разорена и не следует доводить персов до крайности непомерными денежными требованиями, однако ответ из Петербурга был всегда один: взыскивать! С этой целью, оставив в Тавризе беременную жену, Грибоедов отправился в Тегеран.

Русско-иранские отношения осложнялись действиями английской миссии в Тегеране, которая всячески настраивала местное население против русских.

О событиях, разыгравшихся в столице Персии, рассказал позже единственный уцелевший в той кровавой резне человек – первый секретарь русской миссии И.С.Мальцов. Началось с того, что служивший при дворе шаха в качестве одного из самых доверенных чиновников, ведавших делами гарема, армянин Ходжа Мирза-Якуб попросил у Грибоедова вернуть его на родину, в Эривань. Грибоедов вынужден был оставить его в доме миссии, спасая от фанатиков-мусульман. Кроме того, под крышей миссии скрывались женщины – грузинка и армянка – бежавшие из гарема.

На другой день посланник был у шаха и согласился на предложение его высочества разобрать дело, но сие совещание отлагалось со дня на день.

Между тем религиозные фанатики заявили муджтэхиду (высшее духовное лицо): «Не мы писали мирный договор с Россией и не потерпим, чтобы русские разрушали нашу веру; доложите шаху, чтобы нам непременно возвратили пленных».

Наступило роковое число 30 января. С самого утра народ собирался в мечети.

«Идите в дом русского посланника, отбирайте пленных, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!» - грузина, находившегося в услужении у посланника. Толпа в несколько тысяч человек с обнаженными кинжалами вторглась в миссию. С час казаки отстреливались, когда увидели, что на дворе начали резать людей наших. Около 15 человек чиновников и прислуки в комнате у посланника мужественно защищались у дверей. В это время запыпал потолок. Все находившиеся там были убиты. Начался грабеж. Деньги, бумаги, журналы миссии – все было разграблено. Труп Грибоедова выволокли наружу и долго таскали по улицам Тегерана. Обезображенное тело было узнано только по сведенному когда-то от пули Якубовича мизинцу левой руки.

Только 2 мая гроб прибыл в Нахичевань. А 11 июня, неподалеку от крепости Гергеры, произошла знаменательная встреча, описанная Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»: «Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» - спросил я. – «Из Тегерана». – «Что вы везете?» – «Грибоеда».

Андрей Цуканов

Нью-Йорк

* * *

Поэты Нью-Йорка
Живут в Нью-Йорке
Говорят на английском
Пишут стихи на русском
И летают в Россию
Как перелетные птицы
Читать
Свои стихи

Нет поэта в своем отечестве

Сижу
Думаю
Мысль

А что если
Россия прилетит в Нью-Йорк
Куда тогда
Полетят
Поэты Нью-Йорка

* * *

Моя голова
Самая большая боль моей жизни
Не потому что болит
А потому что тупит
Своловъ
Особенно сильно
Когда надо быстро
Соображать
Принимая решение
Она раскидывается
Мыслью по древу
В пространстве и времени
А когда решение принято
Кем-то другим
Выдает ответ

Сижу
Думаю
Мысль

И ведь ответ-то выдает всегда
Правильный

Вот своловъ



Сакральное как фундаментальный конструкт и его деточка стигма

Впервые на сакральное я обратил внимание, прочитав текст философа и литератора Н.Я. Григорьевой, посвященный ОБЭРИУ. Согласно Григорьевой, чинари и обэриуты (Хармс, Введенский, Друскин и др.) занимались сакрализацией собственного обыденного мира. Нынешний мой интерес к сакральному не только литературный, но и социально-психологический. В этом интересе есть свое частное и свое общее, привязанные к сакрализации обыденности.

Частное: обращение к сакральному важно для понимания проблемы, когда одни отстраняют от себя других, стигматизируют (клеймят) их, именуют «фриками», «художниками», «поэтами». Общее: именно в ситуации сакрального возникает стигма (клеймо)¹, в той его травматической части, где капельки боли и переживаний высыхают на теле жертвы.

О сакральном существует достаточное количество литературы. Из нее я возьму в помощь работы Ж. Батая и Р. Каюа. В качестве обзорной литературы по сакральному мне помогли работы Е. Гальцовой, упомянутой ранее Григорьевой, С. Зенкина и Д. Куракина.

Как отмечает Зенкин, «священное (синоним сакрального, хотя и ограниченный, т.к. не включает скверное – А.В.), безусловно, существует (то есть переживается людьми и функционирует в обществе как таковое), а вот “иерологии”, “священноведения” как отдельной дисциплины нет. Из сакрального каждая наука извлекает свой материал» (Зенкин, 2009). Как видно, Зенкин подходит к сакральному как ученый конструктивист. Сохраняя конструктивистскую линию (то, что переживается как сакральное есть сакральное), я подойду к сакральному с позиции исследователя, который концептуализирует сакральное, делает его эвристичным для гуманитарных наук. Собственно, такая работа проделана философами и социологами. Моя задача заключается в перенесении этого исследовательского опыта в психологическое поле².

Концептуализируя сакральное, я обращусь к наработкам Батая и Каюа из «Коллежа социологии». Несмотря на название, участников Коллежа занимала не только социология, но и внутренний опыт. В своих штудиях они опирались в первую очередь на труды социолога Э. Дюркгейма, который дополнялся знанием, полученным из личного опыта, личным соприкосновение с сакральным. Например, при анализе общества Батай говорит следующее: «я... испытываю удовольствие, когда противопоставляю принцип сообщества избранных и принцип традиционного сообщества, к которому я фактически принадлежу, но от которого я хотел бы отмежеваться» (Коллеж социологии, 2004). Кто это говорит? Это говорит философ-исследователь. Является ли он сектантом, исходя из процитированного? Нет, он всего лишь сакрализует пространство Коллежа, он играет символическим³, как, как, на мой взгляд, он играл

с тайным обществом «Ацефал», тенью Коллежа. Сам Батай и его соратники амбиваленты, возможно, опасны с системной \ охранительной точки зрения, но не настолько, чтобы выпасть из общества. Батай не был сектантом. Сектантство – это открытая конфронтация с обществом или тайный уход от него в тайгу, в землянку, катакомбы⁴. Библиотечный работник Батай в катакомбах не скрывался. Наоборот, наставая на научности социологии сакрального на семинаре в Коллеже, Батай тем самым выводил себя и своих коллег на публичную сцену сциентизма.

Вернемся к сакральному. Какова специфика сакрального по Батаю? Французский мыслитель утверждает, что в общественных отношениях специфика сакрального проявляется в причастии:

«Именно с этой точки зрения сакральная социология рассматривает такие свои объекты, как власть и армия, и руководствуется представлением, что все человеческие виды деятельности – наука, искусство, техника – имеют значение, объединяющее людей, предполагающее их активное «причастие». Иными словами, эти виды деятельности созидают единство между людьми» (Коллеж социологии, 2004). Не только религия связывает людей. Любое сообщество, любая группа, в которой выработались нормы, образуют связи. Пожалуй, само бытование таких сообществ, будь то армия или семья, не есть сакральное. Неординарные события, требующие причастия, порождают сакральное. Причастие объединяет группу в единый кулак во время необычайного происшествия. В рамках семьи без детей таким кулаком может быть жена, которой изменил муж, нарушивший семейную идиллию, привнесший скверну в семью (о скверном см. далее). Таким образом, можно говорить, что сакральное вплетается Батаем в ткань символического и социального порядка, тело которого наряжает священное \ скверное. Как мог бы сказать философ Р. Жирар, сакральное становится реальным, т.к. фиксирует выходящее за все возможные рамки и нечто амбивалентное.

Амбивалентность – важная черта сакрального, если не его суть⁵.

К примеру, «категории чистого и нечистого определяют не этический антагонизм, а религиозную полярность... Мир сакрального противостоит обыденному миру как мир энергий миру субстанций... Всякая сила, находящаяся в скрытом состоянии, вызывает одновременно и желание, и боязнь, вызывает у правоверного страх, что она идет ему на погибель, и надежду, что она идет ему на помощь. Но всякий раз, когда она проявляется, это происходит только в одном направлении: либо как источник благодеяний, либо как очаг несчастий. Виртуально она является двойственной, а переходя к действию, становится однозначной» (Коллеж социологии, 2004). В сакральном все двойственны. Священное и скверна диалектически спаяны, как

и чистое \ нечистое. Причем осквернивший религию или государство становится сакральным (sacer), но не святым, а, условно говоря, скверным. В зависимости от степени осквернения скверный может искупить свою вину. Мало того, он может стать святым, т.е. встать на другой полюс сакрального.

Если в сакральном все двойственно, то как обстоят дела в социальном? Каюа отвечает просто: «В мире нет ничего, что не имело бы способности сформировать двойственные противоположности». Следовательно, в социальных отношениях сакральным может быть все. Было бы на то желание. Иллюстрацией этого желания служат спортивные команды, создающие собственные ритуалы и тотемы. Но чем в таком случае сакральное отличается от социального? Тем, что сакральное фиксирует свой «взгляд» на двойственности. Двойственность затем переводится в единицу священного или скверного, замерзая на время. Например, присутствие жены спортивного игрока на матче. В различных ситуациях ее присутствие на игре мужа может расцениваться как позитивно, так и негативно. Стигма рождается из подстывающей лавы скверного, перед которой испытывают трепет также, как и перед огнем, испускаемым вулканом.

Представим себе город. Несколько жилых пятиэтажных домов. Вечер. Старушки сидят на лавочках и шушукаются. Мужики играют в домино за соседним столиком. Мимо старушек и мужиков проходит женщина, известная тем, что занимается проституцией, возвращается домой.

– Ш-шучка! – Шипит одна из старушек.
– Шалава! – Подтверждает другая.

Старушки продолжают гневно шептаться, косясь на женщину.

Игроки в домино:

– Богиня!
– М-да, хороша, стерва!
– Ой, хороша!

– Хороша-то, хороша, а я из-за нее какой день с женой сбачусь!

Собственно, на этом можно прервать пример. Что мы наблюдали? Мы наблюдали две группы и одного субъекта. В дискурсе старушек все устоялось. Женщина – проститутка – падшая женщина, она отвратительна и скверна. В дискурсе игроков в домино не все так просто. Эта женщина не просто падшая, но есть в ней что-то положительное, хотя бы физическая и сексуальная привлекательность. При этом есть и осуждение. В этом потоке дискурсов, где-то и существует сакральное. Его негативная часть порождает стигматизацию, клеймение, в данном случае женщины-проститутки. Амбивалентность сакрального вносит беспорядок, который можно наблюдать в дискурсе мужчин нет единого мнения. Старушки – защитницы профанного, стражи порядка.

В обыденной, говоря условно, профанной социальной жизни сакральное возникает в условиях нарушения порядка, целостности слаженного бытия. От сакрального обычно стараются держаться подальше, но если оно вдруг врывается в обыденную жизнь, от него пытаются защититься или подчиниться. Чем ярче событие, тем ярче сакральное. В такой логике следующие события абсолютно равнозначны: приход чужака в деревню; начало войны, по завершении которой появляются абсолютно светлые победители и отвратительные пораженцы; обыденная жизнь в условиях войны и первый серьезный семейный конфликт, где война

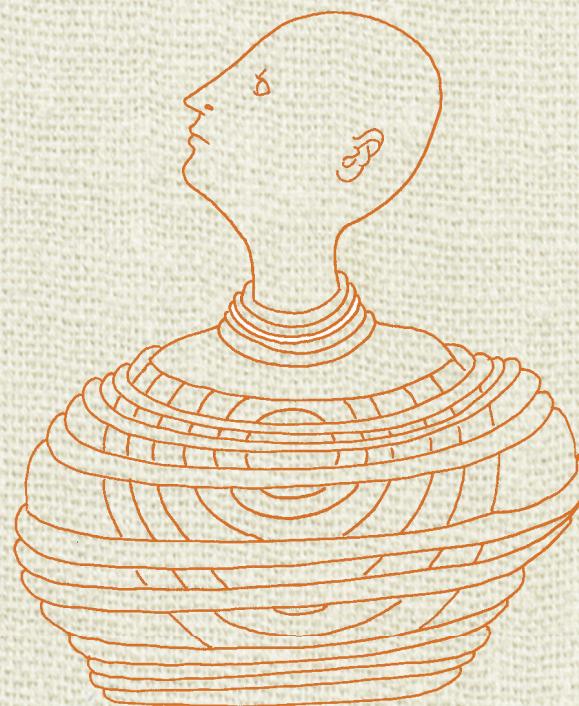
суть профанное, а семейный конфликт сакрален.

Священное или скверное связаны с нарушением конвенций, которые инициируются субъектами-нарушителями (такие религиозные деятели, как Будда, Христос или Аллах шли против течения «общественного мнения»), либо устанавливаются субъектами-номинаторами. От последних слышны фразы в духе: «Вы посмели нарушить закон!» Существуют разные контексты, в которых один и тот же персонаж одной и той же группой может восприниматься по-разному.

Сакральное – фундаментальный конструкт, описывающий взлом обыденной жизни, столкновение с неким нечтото, которое интерпретируется либо как возвышенное, либо как скверное, жуткое и т.п. Фиксируясь как скверное, сакральное превращается в повседневное. Если речь идет о человеке, то такой человек стигматизируется и оценивается негативно.

Стигма рождается из социальной игры случайностей («силы священного обладают четкой локализацией, тогда как область скверны, напротив, представляется расплывчатой и неопределенной» (Коллеж социологии, 2004)), в рамках которой есть победители и проигравшие. Проигравшие – это жертвы, козлы отпущения. В символическом \ социальном пространстве не убивают, вернее убивают, но символически, символически клеймят.

Зачем одни люди клеймят других? Оригинальный ответ находим у Р. Жирара: «Когда стирается различие между «жертвенным» и «нежертвенным» насилием, общество оказывается вовлечено в неконтролируемый круг насилия, и начинается его распад. В книге «Насилие и священное» такое состояние Жирар называет «жертвенным кризисом», из которого необходимо найти выход... Чтобы преодолеть состояние «жертвенного кризиса», обществу необходимо забыть о вендетте и выбрать особую и случайную по сути своей «жертву отпущения»... Именно случайность – главная черта «жертвы отпущения»... Случайность же «обладает всеми характеристиками священного: она то творит над людьми насилие, то проливает на них свои блага»» (Гальцова, 2002). Итак, жертва случайна, но она необходима



ма, т.к. скрепляет общество кровью. Если бы этой жертвы не было, не было бы и сплочения, насилие бы продолжалось, а жертвы только росли. Жертва нужна для того, чтобы обезопасить себя и близких других.

В правовом демократическом государстве насилие носит легитимный характер. Насилие основывается на праве. Никто не имеет права совершать насильственный акт, если на то неуполномочен, например, как полицейский или другое лицо, исполняющее наказание вынесенное судом. Однако помимо физического пространства существует символическое, в котором и проявляется феномен стигматизации. В символическом формальный закон не всегда способен защитить от случайно сложившихся неформальных законов различных групп и конкурирующих дискурсов. Как в случае с реальным жертвоприношением, стигма укрепляет порядок группы стигматизаторов. Жертва может быть выбрана из своих или чужих – это не имеет значения. Главное – жертва сама по себе, ее негативное оценивание, которое объединяет и связывает «нас» в «мы». Стигматизированная жертва помогает причаститься символической кровью.

По аналогии, можно предположить, что один субъект стигматизирует другого с целью самоподтверждения. Откуда берется такое желание? Из социальных установок, живущих в голове стигматизатора⁶.

В таком контексте становится понятно, почему стигматизированному символически или практически не подают руки. Я допускаю, что субъект, которому не подают руки, может быть опасным преступником. Но фиксирование внимания на том, что «я» или «мы» не подадим ему руки также может интерпретироваться как акт самоутверждения и сплочения группы. Для психологии личности сакральное, предложенное специалистами по данному вопросу, в частности, представителями Коллежа социологии, полезно в понимании приближения человека к полноценному функционированию, т.к. интимность отчасти отождествима с сакральностью (Григорьева, 2008). В век, когда не поэт дает пощечину общественному вкусу, а дурновкусие клеймит поэта, в этот век тавтологий и однообразий ничего не остается, как творить личное сакральное.

Приложение. Список вопросов по вопросу о клейме для художников, поэтов и писателей

Представленные вопросы могут использоваться как для личной терапевтической саморефлексии, так и для общения, интвьюирования и консультирования других.

1. Насколько сущностно быть художником, т.е. художник или поэт – это некоторая маска или нечто эссенициальное, может быть, даже архетипическое? Речь не о других. Речь о вас.

2. Сталкивались ли вы когда-либо с негативной оценкой по поводу того, что вы художник, а не, допустим, пекарь или швея, приносящие обществу пользу; художник как позорная и бессмысленная профессия? От кого приходилось слышать подобные утверждения? И что вы чувствовали по этому поводу? Как с этим боролись?

3. Как вы считаете, что создает художник? Он творец священного или скверного?

Примечания

1. Стигма и стигматизация – термины из словаря социолога Э. Гофмана. Суть стигмы в том, что она есть клеймо на виртуальном теле человека, т.е. клеймо на социальной оболочке, маске, которую носит актер театра Жизнь. Пси-

хологии данный феномен интересен тем, что будучи символическим клеймом, стигма реальна по своим последствиям, она буквально режет живую ткань актера, играй он роль Короля, Шута или Мусроуборщицы.

2. Справедливо отметить, что частично изучением сакрального с точки зрения психологии занимались З. Фрейд и С. Московичи.

3. Значимая маргиналия: в бурдьевистской интерпретации сакрального не существует. Существует лишь символическая игра в номинацию, игра во власть.

4. Поэтому «мы видим Батая одновременно и как академического ученого, библиотекаря в отделе медалей Национальной библиотеке (1924), организатора таких общественно значимых журналов, как «Ацефал» (1935) и «Критик» (1946), обладателя ордена Почетного легиона (1952); и как страстного любителя самых злачных мест Парижа, увлеченного читателя Маркса, Троцкого и Плеханова и участника «Демократического коммунистического кружка» (1930-1931), безудержного любовника, способного увлекаться многими и одновременно, сохраняя при этом в неприкосновенной потаенности свою любовь (как это было с «Лаурой» – Коллеть Пенью и с Дианой Кочубей). Учитывая все это, неудивительно, что Жорж Батай переезжает в свою первую в жизни собственную квартиру, приобретенную на деньги, полученные в ходе благотворительной распродажи в его пользу (свои произведения предложили на аукцион Макс Эрнст, Пабло Пикассо, Альберто Джакометти и др.), первого марта 1962 года, а 8 июля он умрет. В этом есть высшая закономерность: для человека такой бесприютной открытости, каким был Батай, обретение квартиры могло быть только призывом смерти» (Жорж Батай). Удивительная биография человека, простого и сложного; системного, но в то же время вне системы, где-то внутри себя.

5. На амбивалентность сакрального впервые обратил внимание У. Р. Смит в труде «Лекции о религии семитов». Подробнее об этом см. в работе Д. Куракина, где анализируется дюргеймовская интерпретация сакрального. Автор обращает внимание на тот факт, что теоретики зачастую смешивают сакральное со священным и чистым, а профанное с грязным, когда сакральное может быть как священным, так и проклятым (Куракин, 2011).

6. Не потому ли так популярны фильмы, программы и ролики в социальных сетях со сценами физического? Просматривающий подобные ролики ощущает не только собственную безопасность («это происходит не со мной, я не жертва»), но и проигрывает различные идентификационные сценарии: от мазохистских до садистских.

Литература

Гальцова Е. Общественный договор о ненасилии // Иностранная литература. 2002. №8.

Григорьева Н.Я. Эволюция антропологических идей в европейской культуре второй половины 1920-40-х гг. (Россия, Германия, Франция). СПб., 2008.

Зенкин С. Небожественно сакральное // НЛО. 2009. №97.

Коллеж Социологии. 1937-1939. М., 2004.

Куракин Д. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2011. Том 3. №3.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

Служители Систем

Тук-тук-тук!
Тук-тук-тук!
Никто в дверь стучится, что за тип
Блудный зверь, в сознание ломится?

Ах-ах-а!
Ах-ах-а, это вы, мои друзья!
Мокрый Архетип и Бестия Нуля
Гермафродиты сестры-братцы Труляля

Заходите, не стесняйтесь
Кровью-плотью угощайтесь

Служители Систем
Глобальных микросхем
Предатели структур
Тотальных культур

Vertigo

Раз, два, три, четыре, пять
Вышли Робот погулять
Гуманоид и Мутант
Человеку – нет

Приговор приведен в исполненье
Мир от тока отключен
И приходит Освобожденье
С Космо-Гаечным Ключом

Патологоанатом

СМЕртячка в БАНКЕ
A. Введенский

Моя подруга (патологоанатом) высекает из
людей атом
Атомы души, кишк и гроши

Из бедняков, из богачей, будь плотью татарин,
русский, еврей
Пред нею все равны. Она высекает атомы души

Души, души, души собирает в баночку
Моя подруга – спаситель, она – душ-мамочка

Время придет, баночка откроется
Начнется новая жизнь

Артур Вафин



Алина Витухновская

друг ДООСа

* * *

Наш Новый Бог из Ничего
Плюется цветом в душный мрак,
Стекает светом. И его
Глаза, как казнь, и казнь, как знак.

Наш Новый Бог на «только что».
Стремясь его предугадать,
Великолепное Ничто
Рискует Множество попрать.

И, раздвигая руки букв,
Столбеет из Небытия.
И заменяет сутью суть,
Смерть смертью, явью явь.

1985 г.



Кристина Зейтунян-Белоус (Париж)
«Звездный танец».

Театр «Кураж» 20 апреля 2015 г.

ПОдрамнiк

ТРИБУНАЛ

Пресс-конференция после премьеры фрагменты

Пьеса Владимира Войновича

Режиссер-постановщик Владимир Мирзоев

Художник-постановщик Сергей Тырышкин

Художественный руководитель театра Михаил Долоко

Владимир Войнович. Сегодня, когда я пришел на спектакль, я насторожился, честно. Потому что вообще я писал зловещую пьесу. Конечно, она комедия, но она такая зловещая. А тут я смотрю, я чувствую — она меня захватывает. Дело в том, что это, конечно, коллективное творчество, здесь очень многое привнесено. Многое удачного. Некоторые вещи, может быть, меня как-то смущали. Если уж говорить об авторах пьесы, то надо имя поставить Галича, автора песен, потому что Галича очень много. Песни занимают значительное место, песни замечательные, они украшают спектакль, но это не моя заслуга. Актеры играют замечательно. Публика принимает. Я хотел, чтобы спектакль получился более мрачным, а он оказался веселым. Я не видел репетиций, я был неподготовлен к этому спектаклю, хотя знал, что Мирзоев поставил как-нибудь так, вот он и наворотил. Всем-всем спасибо!

Владимир Мирзоев. Я в какой-то момент почувствовал, что стало невозможно говорить экивоками со сцены. То есть возникла ситуация, когда

необходимо прямо говорить, — публицистика. Но, с другой стороны, публицистика — это не совсем то, что я люблю. Поэтому я обратился к тексту Владимира Николаевича. С одной стороны, он публицистический, там много таких вещей, которые прямо с пылу, с жару как бы, важны для нас здесь и сейчас. И о них говорится достаточно буквально. А с другой стороны, это немножко фантастика, немножко сатири, все равно это какой-то запал Войновича, которого мы знаем и любим по всем прочим произведениям. То, что мы привнесли, я хочу сразу сказать, помимо прекрасного Галича, хотя бард — это как бы драматург, постоянное действующее лицо, — то, что мы привнесли, — это документальные тексты. Я хочу подчеркнуть: все, что звучит как дополнение квшему тексту, — это реальная документалистика. Это реальные проповеди, это реальные тексты депутатов и так далее. Нет никакого добавления от себя. Это куски реальности, которые, как видите, достаточно легко соединяются с сатирой и фантастикой нашего драматурга. О чем это говорит, я не знаю. Это клинический факт.

Слева
направо:

Владимир
Войнович,

Владимир
Мирзоев,

Сергей
Тырышкин.

Фото
Елены
Кацюбы



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Что-то вроде пролога

Посреди сцены длинный высокий стол, покрытый красным сукном... В глубине сцены статуя Фемиды. Глаза у нее завязаны, в одной руке автомат Калашникова, в другой весы, на одной чашке которых лежит молот, на другой – серп. Слева от Фемиды – клетка, в каких держат зверей, а в клетке скамья подсудимых... На сцену выходит Бард с гитарой. Говорит тихим, домашним, совершенно не театральным голосом, в промежутке между фразами настраивая гитару.

Бард. Кажется, они еще не готовы. Я имею в виду исполнителей. У них даже еще, по-моему, и окончательный текст недоработан. Что-то там (показывает пальцем на потолок) еще утрясают. Да и председатель, кажется, не совсем в порядке. Возраст, стеноз, склероз, аденома, но врачи борются за его здоровье. Ну, ладно. Я вам пока что-нибудь спою.

Войнович. Я хочу еще два слова добавить. Дело в том, что когда я был начинающим писателем и драматургом и когда у меня что-то было на сцене, я очень переживал, когда не точно было по моему тексту. Если я воображал себе, что персонаж должен быть высоким, а он оказывался ниже того, что я воображал, меня начинало корежить, и я это никак не принимал. Но когда постепенно я все больше стал знакомиться с театром, я стал понимать, что, впервые, все мои требования вообще не всегда выполнямы, а, во-вторых, пьеса – это, наверное, полуфабрикат. Я в детстве читал Островского, Шиллера, Шекспира, обожал читать пьесы. Но все равно пьеса – это полуфабрикат. Театр должен сделать что-то свое. Вот здесь получилась, по-моему, такая гармония из всего, что привнесено режиссером и вообще театром. И я доволен тем, что я являюсь автором части этого всего, спасибо.

Мирзоев. Не могу согласиться с идеей полуфабриката. Спектакль соотносится с пьесой, как ребенок соотносится с родителями. Мы же не считаем, что родители – полуфабрикат ребенка. Это как бы разные существа. На самом деле мы верны духу автора, но дух живет в другом теле, даже на другом материале. Это очень важная для меня мысль. Я не

то что хочу сейчас спорить с Владимиром Николаевичем, но для меня это важная идея: драматургия сама по себе прекрасная тема, литературная тема, а театр – это другое дело.

Войнович. Я просто хочу сказать самое главное. Дело в том, что эту пьесу у меня вообще не брали большие театры. И знаю по советскому прошлому – когда боятся, то начинают говорить, что это вообще не то. И я даже не очень расстраивался, когда говорили, что это не совсем пьеса, это больше проза. Один, два, три, четыре театра... Поэтому тем более я очень благодарен и театру, и всем актерам. И, кроме того, я хочу еще сказать, что театр – это театр, и тут вы и вокальные свои способности демонстрировали, и акробатические, и все это, конечно, украшает зрелище. Спасибо большое!

Константин Кедров, поэт. Я как единственный живой автор Таганки могу сказать, что для меня это – освежающая гроза, мне дышать легче стало. Поэтому что у телевизора я задыхаюсь, мне становится просто физически плохо, хотя я здоров. Я наконец-то понял, что имел в виду Аристотель, когда говорил про катарсис – почему на сцене режут, убивают, а мы выходим улыбаясь. Так вот, спасибо вам – был катарсис. Легче стало, честное слово. Не от слез, а от смеха, конечно. Мы не могли не воспламениться от этого пламени. Особенно с того момента, когда председатель суда сказал – «почему меня никто не любит» – все пошло, все вспыхнуло, и все было живое. А уж сцена исповеди, а семейная сцена, а разговор по мобильнику... Я не знаю, что тут Войновича, что тут от режиссера, оживившего пьесу документалистикой. Минимализм декораций – прекрасен. Ну а что – возвращаться к декорациям с завитушками, к дорогим костюмам? Театр начинался с минимализма. Здесь все играет, еще как! А что касается вот этой проблемы, немного советской – а как там зритель, а поймет он или не поймет, – да наплевать. Мне Любимов как-то сказал – вам-то хорошо, вы пишете, что хотите, а если в театре не будет зрителей, что же я буду делать? А здесь спектакль есть, спектакль состоялся, спасибо вам.



Константин Кедров

Наталья Яковлева

Александру Аркадьевичу Галичу

*Обезьянке было очень плохо,
Человеку было много хуже...
A.Галич*

Скоморохи-выпивохи
на Руси,
Голосистые
Да речистые...
Эх, пройдохи-пустобрехи,
Души чистые,
Господи, пронеси!...

Сколько вас, Александров, –
Романовых было три
Да еще Николай, Павлы...
Александр Четвертый, смотри!
Смотри:
На Руси тишина,
Тряси –
Не нарушишь сна,
Кричи –
Не услышит никто,
Молчи!
Но за то...

Эх, гитара да гармони перебор,
Пацаны босые ноги на забор:
На дворе среди помоев и телег
Скоморохи рассудили ночлег.
Не в мошну, а так, на штоф да харчи
Зубы скалят, душу тешат до ночи.

Ох, потеха.
Тут до коликов живот,
Смеух, смеух –
Аж слеза прошибет.
Валом валит за ограду народ,
Зубы скалят – до печеньки берет!

– Ох ты, эдакий-раздакий дурак,
Бубенцами разукрасил колпак...
– Эк гремит, дурак, дырявым ведром,
Чисто нечисть, прости Господи! Содом!
– Грех глядеть
Да неохота уйти.

– Мочи нет –
Ну, ловко нехристъ частит!

Православные регочут в кулак:
– Ну, спасибо, ну утешил, дурак!

Ночь да дождь поливают посад.
Православные посадские спят,
На печи сопят ночами пацаны.
Под телегой скоморохи не видны.
Сыро, холодно – да это ли беда?
Хлеб – не половко и в штофе не вода.
Расходились, веселились мужички –
Не скучились, накидали медяки...

Под телегой спят бродяги-маята.
Так – до снега...
до железа...
до креста...
Души чи-и-стые...
Эх!
Грех!

1065-1966?

Комментарий

Дом творчества «Большево» под Москвой – эпоха, лицей, сад Эпикюра и т.п. «Властители дум» там запросто общались с простыми смертными, читали стихи, пели. Утесов с Райкиным сценки импровизировали, Эрдман говорил – мало, редко, но как! Галич тогда еще аккомпанировал себе на гитаре, а на рояле в гостиной...

Вот там я и услышала только-только написанную песню о Зощенко, где были слова, которые в эпиграфе. Впрочем, в стихах – не только след Галича, но и других «скоморохов» - Вали Ежова, Вадима Трунина, Гены Шпаликова и других...

Потом Ал.Арк. уехал. Я стихи ему не показывала – не то, чтобы стеснялась, а не придавала значения (выговаривалась для себя – и ладно). А когда уехал – прочитала его брату – оператору Вале Гинзбургу. Он сказал – Дура! Дай я пошлю... А через несколько дней Галич погиб...

Сценарий фильма
«Бегущая по волнам» (1977)
по мотивам романа А.Грина
написал Александр Галич

Марк Ляндо

Антикварная лавка

1.

По улочке по Рузвельта гуляем
Мы в солнечно –
пустынном ноябре.
Вот и доска, где профиль
Президента.

Они – здесь в Ялте,
с Черчиллем сигарным
и с нашим рыжеусым,
страшным крабом
Решали судьбы мира...
В порт уходит
Та уочка, где чайки .трубы и
Маяк над молом...

Вдруг видим надпись:
ЛАВКА АНТИКВАРЯ.
Ах, как туда нас сразу потянуло!

И вот, как бы сквозь горный пласт
сверлясь :
Ступеньки. Дверь стеклянная –
Мы входим.

2.

...Там водолазный шлем
Латунью золотою
Искрится, как когда-то под водой!
Теодолит, что отшагал землею
Следит теперь вещей забытых
строй...

А на полке павлин –
Всеми красками юга –
Синих бабочек, радуг
Его хвост горит!
Там кираса рыцаря
Вспоминала ли подруга:
где он странствует? –
жив ли? Или давно убит?...

Выше – старые карты
и труба телескопа
длинногорлых бутылок ряд
от каких же вин?



Феодосия, 23 августа 2013 г. Фото Константина Кедрова

Может быть, на борту
корабля – самотопа
Их откупоривал матрос
Александр Грин?...

...Там каприз чайных чашек,
Тарелки как синие луны!
Ну, а там мандолины
Темнеет изогнутый гриф.
– Ах, свези на Риальто меня! –

Как звенело средь лунной лагуны!
И внимал гондольер молодой
Плечи милой рукою обвив.

...Рядом бронза умолявших часов.
Статуэтки. И запах, о, запах! –
кардамона, гвоздик ли, жасмина
– с каких островов?...

И в каких Согдианах былых
или древних Хараппах?
Найден тот лазурит
в паутине загадочных слов?

Вот глядим в зеркала –
Мельхиора ль, томпака их
рамы? –
Я в берете, ты с челкой рыжей
и зеленью глаз.

Иль мы – антики тоже –
Средь этой вещей панорамы,
А из волн находящих времен
Кто-то смотрит, безвестный,
на нас?...

.....
..Продавщица в углу –
узколица бледна с темной
шалью –
Тоже как изваянье ,
хотя на вопрос и другой –
Отвечает. Ах, к морю
– штурмяще блистающей далью!
Поскорее вздохнуть –
К этим соснам в хвое с синевой!...

....Да, все кануло – Черчилль
с сигарой
и нашего Краба ухмылка.
Есть лишь луч, с этим вылетом
чаек
И взволненной дали топаз.

Или шлем водолаза ,
империй раздел
и забытая Грином бутылка –
все под пленкою мига
дрожит, и живет, и слоится –
сегодня? Сейчас?...

Ялта. Ноябрь . 03 г.

Резная коралловая статуэтка

Сколько я знал Эдиса, он всегда казался мне немного с прибахром. Может быть, из-за того, что родителей потерял в детстве, и вырастила его бабка, некогда известная актриса, прервавшая карьеру ради воспитания внука. А, может, он уже родился таким.

Вот, например, история была.

Недалеко от Сенной есть столовая. Я часто ходил мимо нее, пока учился в школе. И угораздило мне однажды взять с собой Эдиса. Он не смог просто пройти мимо. Только поравнялись со столовой, завернул в переулок и встал напротив одной из стен. Я скользил по ней взглядом много раз, когда проходил мимо, но никогда не обращал внимания, что там высечены маски молодых девушек. Шесть их там или семь, не помню. Красивые, не спорю, конечно, но ничего особенного.

Дергаю его за плечо:

— Эдис, пойдем.

Молчит. Рукой по распущенными каменным волосам гладит.

— Ты чего залип? Влюбился что ли!?

Он посмотрел на меня со злостью и быстро зашагал дальше по Садовой, даже не оглянулся. Что это было? До сих пор не пойму.

А у девчонок Эдис пользовался популярностью, поэтому в амурных делах у него проблем не было. А всё из-за его способностей. Портрет любой подружки он мог вырезать из дерева за десять минут. Да так, что от настоящей не отличишь! У каждой его пассивы наверное стояла дома её маленькая деревянная копия. Но долго их с Эдисом не видели. Думали тогда, не ладится у него с подругами.

Бывало сидим, пиво пьем, за жизнь трепемся, а он уединился и ковыряет что-то, а потом показывает фигурку зверя какого-нибудь или даже кого-то из нас. Вот, смотрите, из кривого сучка сделал. Его и назвали Эдисом за то, что на рукояти ножа, который он постоянно таскал, было выгравировано EDC.

После школы и университета я уехал на Север и наши с Эдисом пути разошлись на несколько лет. В один из визитов домой заехал я к родителям. Тут телефонный звонок.

— Слышал ты городе?

— Эдис, ты?!

— Бери мотор и дуй ко мне — сто лет не виделись.

Встретились мы на набережной Фонтанки. Высокая фигура в наглухо застегнутом плаще топталась под морозящим дождем, широкий капюшон закрывал лицо.

— Я успел отвыкнуть от этой сырой погоды, — выкрикнул я вместо приветствия.

— Я тоже, — Эдис поднял капюшон и продемонстрировал густой загар. За те годы, что мы не виделись, черты его лица огрубели, и худой мальчишка превратился в поджарого мужчину.

— Не похоже, чтобы ты в Питере так загорел.

— У меня в Перу выставка была. Полгода там жил, — улыбнулся он.

— Выставка? — переспросил я.

— Сейчас все увидишь.

Он пригласил меня под арку, за которой прятался аккуратный дворик. Железная решетка не пускает посторонних. Внутри клумбы и четыре парадных. Эдис пригласил меня в одно из них. На входной двери ржавеет табличка «Кв 3, 7, 11». Наверное, даже те немногие жители, что тут остались, не смогут ответить, почему у квартир такая странная нумерация. Апартаменты, которые ему от бабки достались, расположены на самом последнем этаже пятиэтажки.

— Чего не продашь? Все давно уже в новострои уехали, — спросил я его. Мы поднимались по старой лестнице, полвека не знавшей ремонта

— Да что мне там? — махнул Эдис рукой, — у меня тут всё детство прошло. Да и работается тут лучше. Нет, брат, им там не место, — с этими словами он открыл новеньнюю металлическую дверь с позолоченной ручкой.

И я понял кто такие «они». Внутри было всё заставлено резными фигурками и фигурами. Мужчины и женщины, молодые и старые, в полный рост и только головы, звери, птицы, деревья и много чего еще. Взгляд тонул в этом океане разнообразия.

— Ух, — только и смог выдохнуть я, — так ты до сих пор режешь.

— Еще как! По дереву, камню и кости. Многое продаю. У меня свой сайт, в каталогах публикуюсь. Вот, — он указал на голову юноши с пышной шевелюрой, — портрет сейчас заканчиваю.

Голова — в натуральную величину. Лицо мне показалось знакомым. Я бы сказал, что работа уже закончена, но инструменты раскиданные рядом и холмики стружки, говорили об обратном.

— Неужели это... — имя повисло на кончике языка.

— Да-да, он самый, — покачал Эдис головой.

— А это? Тоже чей-то заказ? — мой взгляд остановился на фигуре осьминога, вокруг которого вьются щупальца. Возможно, заготовкой для него послужил корень с причудливо закрученными отростками. У самого основания подпись — сплетенные буквы EDC.

— Нет, — протянул Эдис, — это — для себя.

Он погладил фигуру и продолжил:

— Ты знаешь, что в средние века моряки считали, что Krakken — одна из инкарнаций Нептуна? Морское чудовище, способное потопить корабль, может оказаться повелителем, который исполнит любое желание. Надо только знать, как просить.

На несколько секунд он залип, о чем-то размышляя, наконец взгляд прояснился, и Эдис улыбнулся:

— Ну, что? Выпьем за встречу?

Надежда Девищева «Встреча» (холст, масло).



От выпитого по телу разлилось приятное тепло. Привезенная из Южной Америки вяленая на ветру говядина отлично пошла под красненькое.

— Вот скажи мне, Арсений, — когда я хочу сказать что-то важное и при этом немного нетрезв, то начинаю называть Эдиса его настоящим именем, — тебе уже третий десяток. Ты успешный скульптор. Квартира в центре есть, — я снова обвел взглядом студию. — Так чего ты не женишься? А? У тебя всегда с девчонками был полный порядок, и сейчас почитательницы за тобой наверняка бегают. Чего ты семью не заведешь?

Эдис опустил взгляд:

— Понимаешь, не могу я, — он отодвинул стакан, где минутой ранее плескалось вино.

— Как? Уже? — изумился я.

— Да не в этом смысле! Я тебе расскажу, ты только не смейся.

— Обещаю.

— Когда мне было лет десять, бабка ещё жива была, отправился я вечером на причал Фонтанки. Темно было. Никого вокруг. Я к краю подошел, а камень-то скользкий. Всё так быстро произошло, что даже не заметил, как по макушку в воде очутился. Глубины там метра три было. Плаваю я до сих пор, как топор, да много ли мне, десятилетнему пацану, нужно! Сначала ручками, ножками сучил, да всё равно чувствую, иду ко дну. И тогда я осознал, что всё, вот он конец. Знаешь, даже не страшно было, просто смирился и всё. Тут кто-то меня подмышки схватил и обратно наверх тянет. Сначала не понял, извернулся, гляжу, а это девчонка. Красивее я в жизни не видел. Смотрит на меня в упор и на поверхность тянет.

Вынырнули недалеко от причала, она меня отбуксировала к нему, руки мои на камень положила и под воду ушла. Я даже сказать ничего не успел. Пока она меня тащила, я думал, что это спортсменка какая-то, а как нырнула, так я сразу всё понял. У нее вместо ног только рыбий хвост был. Тут какие-то люди понабежали, они вроде как видели, что упал и бежали спасать, спрашивали чего-то, а я всё на воду смотрю, жду пока она вынырнет. Не вынырнула. А когда я старше стал, сам понимаешь девчонки, все дела. Тогда я и понял, если серьезные отношения начинаются, не такие чтобы на один-два раза, а вот прям серьезные, так сразу вижу лицо той русалки, её волосы и руки. И всё! Уже не могу, только о ней и думаю. Так, я не понял, почему ты смеешься?

До последнего момента я терпел, но под конец не сдержал смех. Хохотал я долго, с трудом успокаивался, вытирая слезы, натыкался на укоризненный взгляд Эдиса и снова взрывался приступом.

— Да ты просто поехал! У тебя шок был, и ты сам выплыл! А эта девчонка — твоя галлюцинация!

Эдис смотрел на меня исподлобья.

— Значит, не веришь мне, — процедил он сквозь зубы. Резко вскочил, ухватил за руку и потащил к выходу мое вздрагивающее от смеха тело.

Слетел по лестнице вниз, а я нетвердой поступью последовал за ним.

— Что, пойдем твою русалку ловить? — усмехнулся я, когда мы оказались во дворе. Но мы отправились не к набережной, а вглубь двора, где находится подвал. Эдис позвонел ключами, и обитая жестью дверь скрипнула. Внутри горел свет.

— Я специально замазал окна краской, чтобы держать свет включенным и не привлекать внимание, — проговорил он полушепотом.

В подвале сухо и чисто. Почти все пространство занимает огромная старая, явно рассчитанная на несколько человек, ванна. Как её вообще сюда затащили? Она заполнена водой, а в воде — девушка. Красивая! Нет! Просто неотразимая! Я почувствовал, что стремительно трезвею. Потому что ниже живота у нее — огромный рыбий хвост! Зажмурился, сильно ущипнул себя и даже не почувствовал боли. Открыл глаза. Девушка была в воде. Девушка с чешуйчатым хвостом. На лбу выступил холодный пот.

— Эдис, что мы с тобой пили? — прохрипел я.

— Вино. Мы пили вино, — он подтолкнул меня в спину.

Девушка заметила меня, наморщила лобик, брови сдвинулись, но только увидела Эдиса, — на лице появилась улыбка, она расслабилась и помахала ему.

Я нетвердой походкой спустился вниз. Причиной этому был не излишек выпитого, а то, что рушилась моя картина мира.

Протянул руку и коснулся воды. Девушка отпрянула и вопросительно посмотрела на Эдиса. Тот тихонько кивнул. Она подалась вперед и позволила коснуться себя.

Удивительно! Мне казалось, что она должна быть холодной, а кожа теплая, как у обычного человека, и будто шелковая. Я опустил руку, туда где кожа живота плавно переходила в пластины сверкающей чешуи. Звонкий смех разнесся в подвале.

— Хватит смотреть. Пошли, — мозолистая рука Эдиса легла мне на плечо и потянула к выходу. Сильнее, чем требовалось.

Хмель возвращался, а вместе с ним мы поднимались домой к Эдису. Занесенная над ступенькой нога замерла. Только один вопрос крутился у меня на кончике языка.

— У нее ниже пояса рыбий хвост. Как вы с ней ... ?!

Эдис остановился, посмотрел с укоризной:

— Дурак ты! — и быстро пошел наверх, а я снова захочател.

Утром на кухне меня встретили бутылка минералки, аспирин и записка: «Ключ убери под коврик. О том, что вчера было, никому не рассказывай». Значит что-то было! Это не сон навеянный мне виннымиарами.

Я снова до мельчайших подробностей вспомнил вчерашнюю русалку. Или Эдис мне подсыпал какой-нибудь перунской дури? Как отличить видение от реальности?

Я вышел, бросив ключ под коврик. На улице снова моросило, небо было затянуто свинцовыми тучами. Дверь в подвал оказалась заперта, небольшие подвальные окна плотно замазаны белой краской. Я приложил ухо к стеклу. Кажется всплеск! И смех! Или показалось? Ничего не разобрать из-за воющего под аркой сырого ветра.

Вечером того же дня я уехал. С тех пор мы с Эдисом несколько раз созванивались, но перекидывались только незначительными фразами. Спросить о том, что меня по настояющему волновало, я не решался.

Однажды, когда я находился в столице, завибрировала трубка, и на экране высветилась фамилия нашего общего знакомого. Он сообщил, что Эдис за бесценок продал свою коллекцию какому-то музею, а сам исчез.

Я взял билеты на ближайший сапсан и уже утром в субботу был на набережной. Город встретил густым туманом. Он висел над Фонтанкой так низко, что невозможно было разобрать противоположный берег.

Поднялся на самый последний этаж, где жил Эдис, и позвонил в дверь. По ту сторону заскребся кот, потом раздалось шуршание.

— Кто? — раздался женский голос за дверью.

— Я к Эдису пришел, — крикнул я, и тут же исправился, — к Арсению!

Опять что-то зашуршало, щелкнул замок и в дверной проем высыпалась женщина средних лет.

— Нету их тут, — проворчала она, — уже как три недели продали квартиру и съехали. За её спиной стояли не распакованные коробки, на одной из них разлегся рыжий котище, обстановка говорила о том, что люди только вселились.

— А куда? — растерянно спросил я.

Женщина поймала мой заинтересованный взгляд, изучающий интерьер за её спиной.

— Без понятия, — отчеканила она по слогам и захлопнула дверь.

Подвал оказался открыт. Невысокие окна, которые Эдис старательно замазал краской, почти не давали света. Пока я искал выключатель, собрал несколько слоев паутины. Наконец помещение осветилось.

Огромная ванна пустовала. На дне — мутная вода. Никаких следов девушки с рыбьим хвостом. Я надеялся найти хоть что-то и осматривал чугунную машину снова и снова, но ничего.

С женщиной, которая теперь жила в квартире Эдиса, я столкнулся во дворе.

— Вот что ты вынюхиваешь? Что ты ищешь? Уехал твой Арсений!

Я не ответил и прошел мимо.

— Думаешь, не мое это дело? — проворчала она мне в спину, — мое-мое, кто тут по подвалам шастает, — и добавила, — оставил он кое-что.

Я остановился и посмотрел на нее вопросительно.

— Тебя как зовут-то? — спросила она.

Я назвался.

— Сразу бы сказал. Вот тебе от Арсения, — женщина протянула мне белый треугольник.

Записка! Почерк принадлежал Эдису.

«Брат! — писал он. — догадываюсь, что твой пытливый ум не найдет покоя, и у тебя возникнет вопрос, куда я пропал. Итак по порядку. Я тебе очень благодарен за то, что ты не проболтался про то, что видел. Да, всё что ты видел — это не галлюцинация. К тому моменту уже как неделю я её выловил из Фонтанки. К сожалению, моя русалка не смогла долго тут жить и стала проситься обратно. Но мы так привязались друг к другу, что не представляли как будем друг без друга. Поэтому я решил продать квартиру, коллекцию статуэток и отправиться с нею на поиски Кракена. Думаю, что только он может сделать её человеком или мне дать рыбий хвост. Брат, не знаю встретимся ли еще. Надеюсь, что да».

Прошло несколько лет. Я вернулся в родной город и прочно в нем осел. Поздно вечером я стоял на набережной и курил, наблюдая как на город спускается ночь. Лето уже закончилось, но было очень тихо и удивительно спокойно. Над городом раскинулось бескрайнее чистое небо, усеянное звездами. На горизонте сияли огни Кронштадта. Ни движения воды, ни звука.

Несколько огней поползли в мою сторону, и чем дольше я наблюдал за ними, тем больше убеждался, что это запоздневшееся судно.

Завибрировала трубка, и на экране возникла фотография жены.

— Да, дорогая. Ложись. Я скоро подойду. Да, дышу свежим воздухом. Хорошо, спокойной ночи.

Пока я убирал телефон, неожиданный всплеск нарушил тишину. Похоже какая-то рыба. Короткий заливистый смех в темноте, и снова всплеск. Нет, рыбы не умеют смеяться! Подгоняемый любопытством, я спустился по лестнице к воде, чтобы разглядеть что же там происходит. На самой нижней ступеньки что-то лежало. В руках у меня оказалась крупная фигура, вырезанная из пористого коралла. С ней стекала вода. Я щелкнул зажигалкой и стал изучать находку. Небольшая яхта, за штурвалом стоит поджарый человек. Рядом с яхтой выныривает из воды русалка. У самого основания – сплетенные буквы EDC.

Запоздневшиеся судно прошло совсем рядом. В отсвете судовых огней я вижу силуэт высокого человека. Он приветственно взмахивает рукой. Корабль поворачивается в сторону выхода из залива и дает два гудка.

Я снова взглянул на статуэтку. Это не просто искусно обработанный коралл. Яхта несется к горизонту, туда, где безоблачное голубое небо сливается с зеленой гладью воды. Человек за штурвалом прикрывается от ослепительно яркого солнца и взглядывает вдаль. Иногда он бросает взгляд в сторону, где рядом с бортом резвится в искрящихся брызгах девушка с чешуйчатым хвостом вместо ног. Человек опускает руку за борт, и русалка касается её. Они улыбаются, и вместе думают о том, что где-то впереди есть тот, кто поможет им быть вместе.

Сергей Померанцев

ДУША ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Что то живое всегда остаётся
Возле седых пирамид.
Сокол в лучах восходящего солнца
Тут горделиво парит.

Может быть, эта красивая птица,
Что здесь кружит не спеша, -
Это душа из старинной гробницы,
Древнего царства душа?

Тело хранит позабытая крипта,
А вот она вознеслась,
Магией данного ей манускрипта
Соколом стала сейчас.

Золотом перья окрашены густо,-
Ра золотит небосвод.
Но почему-то так выглядит грустно
Птицы прекрасной полёт.

Давит, как будто тяжёлое бремя
Два её сильных крыла.
Может, её тяготит наше время,
Бренные наши дела?

Грустная птица глазами Джосера
С болью глядит на восток,
И наблюдает, как древнюю веру
Жёлтый заносит песок...



МЕЧТЫ ДРЕВНИХ ЕГИПΤЯН

Мы, конечно, уйдём, как и всё в этом мире,
Но, при этом, родимся средь утренних звёзд,
Где рассвет, пробуждаясь, становится шире,
Где пшеница растёт в человеческий рост.

В белоснежных домах у журчащих каналов
Будем жить, позабыв о проблемах земных.
Там не будет врагов, но и этого мало, —
Мы там встретим ушедших любимых своих.

В изумрудных садах, наслаждаясь прохладой,
Каждый будет любим, и здоров, и богат.
Будут реки вина и духов водопады,
А на ветках большой, как яйцо, виноград.

Наши души вспорхнут, словно юркие птицы.
Будет к нам благосклонен Осириса суд.
На земле наши мумии скроют гробницы,
И потомки к их входу дары принесут.

Будет вдоволь зерна, благовоний и пива.
Будет северный ветер нам лица ласкать.
Будет радовать Нил ежедневным разливом,
И у каждого будет из кедра кровать!

10290

Александра Заболотская

Казань

Мой одноклассник Толя Колесников

В двадцатых годах прошлого века в казанской школе № 1 учился со мной в одном классе замечательный мальчик Толя, фамилия которого была сначала Зайончковский, а потом Колесников. То, что он замечательный, я поняла гораздо позже, а появился он в шестом классе и, и что странно, был похож на меня. Так похож, что никто не верил, что мы с ним не брат и сестра. Мне это не нравилось, потому что Толя, худой, с длинными руками и ногами, был похож на комара. Личико бледненькое, маленькое, нос длинноватый, а глаза и рот были точно, как у меня.

Мальчишки одноклассники принялись было его обижать. Он не трусил, наоборот, злился и защищался изо всех сил, но сил-то было мало. Тогда директор, собрав мальчишек, объяснил им, что Толя сирота, что его родители только что погибли и сейчас он живет у тетки в чужом для него городе, и обижать такого человека просто грех. Ребята послушались и вскоре убедились, что новичок – парень умный, учится хорошо, всегда готов помочь и глупым, и ленивым – подсказать или дать списать. Толина тетка, актриса местного театра, усыновила его и дала свою фамилию.

И вот мы восьмом классе. Нам по 16 лет. Толя Колесников, оказывается, поэт. Мне его стихи казались прекрасными, гораздо лучше моих собственных. На этой почве мы и подружились. Надо сказать, что Толя был необыкновенно влюбчивым. Он влюблялся то в одну девчонку, то в другую, открыто ухаживал и совершенно не боялся насмешек. Ему как будто было даже приятно, когда его начинали подразнивать из-за его влюбчивости.

Однажды наш одноклассник, шалун и насмешник Анаска Галеев сказал мне, указывая на бабочку, кружавшуюся вокруг горящей лампы: «Она точно, как Колесников вокруг Зойки Зайцевой вьется». Я передала его слова Толе. Он был восхищен этим сравнением и ни за что не хотел верить, что оно принадлежит Анаске. «Нет, Шура, ты сама это придумала, сознайся!»

Все эти «любови» были краткосрочными. Но «объекты» не огорчались изменой, ведь ни одна из девочек не отвечала ему взаимностью. К моему удивлению в меня Толя ни разу не влюбился, испытывая ко мне братские чувства. Хотя, конечно, мы не так уже походили друг на друга, как в шестом клас-



се. В общем, мы были хорошими друзьями. Моей ближайшей подруге Тане Дегтяревой Толя не нравился, она звала его «Дон Жуан несчастный». Еще меньше ей нравился ее сводный кузен Вадим Петушкин, который перевелся в нашу школу, подружился с Толей Колесниковым, и они вдвоем, бывало, мучили вопросами нашу первую учительницу литературы Агриппину Матвеевну. Она закончила пединститут заочно и была нешибко эрудированной женщиной. Вадим с Толей доводили ее до красных пятен на лице своими вопросами, а порой подключались и мы с Татьяной. Но несмотря на это мы все ей нравились, она любила нас.

В девятом классе Агриппина Матвеевна решила поставить с нами пьесу Мольера «Жеманницы», видимо, потому, что по программе мы проходили «Мещанина во дворянстве», а в «Жеманницах» мало действующих лиц: две девицы купеческого рода, два жениха из того же сословия и двое аристократов, которые ухаживают за жеманницами. Толя с Вадькой исполняли роли аристократов. По ходу действия аристократам нужно было исполнять романсы, а наши «аристократы» петь не умели, ни тот, ни другой, но старались. На репетициях тот же Анаска Галеев тайно пробирался в комнату, прятался под партой, а когда Толя или Вадим запевали, он вопил из-под парты: «Вставлять стекла! Вставлять стекла!» Надо сказать, что Толино пение действительно походило на призыв стекольщика.

Спектакль мы сыграли только один раз в заводском клубе при немногочисленной аудитории. Агриппина Матвеевна сидела в суплерской будке, но так умилялась, глядя на своих артистов, что забывала подсказывать. Тогда я наклоняла голову, скрывая лицо за локонами, и выполняла роль суплера, потому что за время репетиций запомнила весь текст.

Однажды случилось ужасное: наша одноклассница покончила с собой – бросилась под поезд. Она

была в школе новенькой, знали ее только мы. Причина самоубийства была непонятна. Отец, мать и три старших брата обожали ее. Семья жила дружно, в хорошем большом доме. Дом приобрели в Казани, продав такой же в другом городе. А уехали они из-за того, что дочь там совершила попытку самоубийства – пыталась утопиться. Ее спасли, но, прийдя в сознание, она сказала: «Зачем вы это сделали? Я хотела умереть».

На смерть девушки Толя Колесников написал красивые печальные стихи, их поместили в стенгазете. На другой же день газета со стены исчезла, а в классе устроили собрание, на котором наша главная активистка Лелька Гонина осудила самоубийцу за «трусливое бегство от жизни» в то время, когда стране нужны молодые руки для строительства социализма. Толю осудили за «слабонервное нытье». Ему поручили сочинить жизнерадостные стихи, достойные комсомольского поэта. Толя обещал постараться, но его «не посетило вдохновение».

После школы Толя Колесников поступил на биофак университета. В университете он вступил в поэтическое объединение и стал общаться с «себе подобными». Потом он влюбился в некую поэтессу по имени Юлия, стал ее поклонником и другом дома. Она была замужем. И вот она-то, видимо, наконец, ответила ему взаимностью. По крайней мере, такой вывод я сделала из его слов, хотя прямо он этого не говорил. Но однажды летом в очень жаркий день Толя привел свою Юлию ко мне. Она жила в таком районе, откуда в наши места никакой транспорт не ходил. И эти две романтические личности топали по песчаным улицам без тени в самую жару не менее часа. Видимо, Юлия любила своего юного друга, если решилась на такой путь ради того, чтобы быть представленной его однокласснице.

У поэтессы оказалась совсем не поэтическая внешность, но стихи она, на мой взгляд, писала хорошие и считала Толю очень элегантным. А так считать можно было только от большой и даже слепой любви, поскольку Толя тогда по-прежнему напоминал комара. Сама же Юлия была коротенькой, кругленькой с круглым же смуглым лициком и еще более круглыми карими глазами.

Однажды Толиным «предметом» стала студентка по имени Аля. Толя не знал ее полного имени, а она могла быть и Алевтиной, и Алисой, и Александрой, и Алиной. И Толя посвятил стихи ее имени. Они мне очень нравились, я запомнила ту строфу, которая касалась имени «Александра».

Может быть, ты Александра
И выходишь утром рано
В сад, окутанный туманом,
И под сенью олеандра
Ты проходишь, Александра,
Ты проходишь, дорогая,
Только звезды догорают,

Только звезды повторяют

Имя светлое твое

Да еще про Алевтину:

Может быть, ты Алевтина?

И не ты ль была причиной

Смерти храбрых, смерти смелых,

Тех, кому уйти велела

Не твоя ль улыбка злая,

Что шептали, умирая,

Имя гордое твое...

Но все кончалось тем, что –

Только Аля, просто Аля

Имя милое твое.

Увлечение поэзией не мешало Толиному увлечению биологией. Он был счастлив в университете. На биофаке было мало мужчин, да их еще собирали в отдельную военную группу. Так что в остальных группах осталось по одному, от силы по два парня и все с каким-то дефектами, из-за чего их и не взяли в мужскую группу.

Толя был близорук, но очков не носил. С помощью друзей он сумел обмануть глазника – прочитал все буквы чуть ли не до последней строчки. Он сам разработал систему сигналов от своих сообщников и с успехом прошел проверку зрения. Тот же номер Толя проделал при поступлении в армию, когда началась война. Правда, он попал в обслугу военного аэродрома, но там начал сочинять агитационные листовки для немецких солдат. Их переводили на немецкий язык, и Толя потом сам их разбрасывал над вражескими окопами, отважно вылетая на военных У-2.

После войны я только раз случайно встретилась с Толей и то мимолетно. Я ехала в битком набитом трамвае, и кто-то, протискиваясь к выходу, укорил меня, что я толстая. И вдруг сзади голос: «Что же, ей теперь похудеть для вашего удобства?» Я обернулась – Толя! Мы только поздоровались, и он вышел как раз на этой остановке. А я поехала дальше. По дороге я вспоминала, как однажды мы с ним гадали, какими же мы станем в старости. Я о себе думала, что стану толстенькой старушкой, а он ожидал, что будет живым худеньким старичком с галстуком-бабочкой. И вот мы были еще не старые, но уже полноватые.

А до старости Толя не дожил. Он работал на кафедре океанологии, написал и защитил диссертацию. Его пригласили в океанологическую экспедицию на научном судне в далекие южные моря. Однажды участники экспедиции высадились на коралловый атолл, шли, увлеченно разговаривая, по берегу лагуны и не сразу заметили, что Колесникова с ними нет. Думали, что он просто отстал. Постояли, подождали, но потом забеспокоились и вернулись назад. Толя лежал головой в воде и был уже мертв. По морскому обычаю тело его зашили в парусину и затопили в океане.

И зачем я не вышла на той остановке!

Юрий Мамлеев

*

Я иду по заросшей от трупов дороге.
Тёмных тварей за мною бредёт неживой хоровод.
Как мне выйти из чёрного тела моей беззащитной тревоги?
Как узнать, что сулит мне непознанный ласковый бог?
Эти твари горят, словно вечные свечи во мраке,
Не сгорая, визжа и купаясь в холодном ничто.
Мне осталась пустынная участь голодной и дикой собаки,
Что бредёт и не знает, накормит ли кто,
Или кто-то сожрёт её сам с потрохами,
Или просто забросит в бредовый отверженный мир,
Где хохочет луна и плюются от бешенства камни,
Воет ворон, бессмертен и сир.
Сколько лет служено мне брести в этом страшном тумане,
Разговаривать с трупами, спать с головою орла,
Чтобы выйти на мир, не отправленный липким обманом,
Где раз смерть, то без трупов, без дыма, без воя, без сна?
И тогда, может быть, в сумасшедшее время-заката
Огневая на небе ином загорится звезда.
И уйду я туда – в черно-красное море раската,
Где и вера и гром - уведут навсегда.

*

Кто бы съел меня в чёрном растленном тумане?!
Далеко за околицей заревом видится глаз!
Ведьма моется рядом в заброшенной маленькой бане.
Видно, боги давно позабыли о нас.
Кто бы съел меня! Нежною тихою дымкой,
Оставляя в пространстве кровавый бессмысленный след,
Я уйду недотрогой, простой невидимкой,
К тем, кто душу мою принимает за Свет.

*

Я хочу жить и жить в бесконечном раздолье тумана,
Целовать изощрённое чёрное жало змеи.
У меня нет сестёр, никого, лишь одни ураганы.
Я родился в бредовых сплетениях лунной зимы.
Почему я застыл в искажённой от счастья улыбке?!

И пугаются звёзды моих выпадающих глаз...
Раскрываются пыльные старые свитки,
Где написаны древние тайны о нас.
Ну и что? Средь раздолья миров бесконечных
Буду падать, стонать и по-прежнему жить.
Но из синей, глубокой, покинутой Вечности
Кто-то тихо идёт, видно хочет завыть.
Пожелай мне, исчадие Чёрного Света,
Проходить без тревоги твоих полуснов города.
Я хочу жить и жить на забытой богами планете,
Чтобы видеть чудовищ, отброшенных в мрак навсегда.

Дж У. Полидори - автор
220 лет назад родился
первой новеллы
о вампире

It happened that in the midst of the dissipations attendant upon a London winter, there appeared at the various parties of the leaders of the ton a nobleman, more remarkable for his singularities, than his rank. He gazed upon the mirth around him, as if he could not participate therein. Apparently, the light laughter of the fair only attracted his attention, that he might by a look quell it, and throw fear into those breasts where thoughtlessness reigned. Those who felt this sensation of awe, could not explain whence it arose: some attributed it to the dead grey eye, which, fixing upon the object's face, did not seem to penetrate, and at one glance to pierce through to the inward workings of the heart; but fell upon the

Так случилось, что в самый разгар увеселений, неизменно сопутствующих лондонской зиме, на всевозможных приемах, устраиваемых законодателями хорошего тона, стал появляться некий дворянин, более приметный своей эксцентричностью, нежели знатностью. Он наблюдал за весельем, царящим вокруг него, так, словно сам не мог принять в нем участие. Очевидно, беспечный смех представительниц прекрасного пола привлекал его только затем, чтобы одним взглядом заставить его умолкнуть и пробудить страх в сердцах, где доселе царило лишь легкомыслие. Те, кто ощущал этот благоговейный ужас, не смогли бы объяснить его происхождение: некоторые ссылались на взгляд

Илья Кутик

профессор Северо-Западного университета
Чикаго



фрагмент из «Эпоса»

У вампиров нет отражения, их пугает крест и чеснок.

Это всё – в расхожей мистике Запада, а Востока? – Что говорит Восток о вампирах? – нок-нок

(это – сук-стук в дверь по-английски) они-то – в любую, и харкают – кровью! – на чесноки и кресты (ясное дело!), плюс на любых охотников на самих же себя. Я поэтому рекомендую кинопроизводство «Охотники на Вампиров», Цюй Харка. Он – о китайских вампирах, 17-й век. Топик:
вампиры, которые деньги тоже – одновременно. Т.е. – золото, лица, то есть, желтки которые словно, однако ж – под слоем воска, а всё – этакий, что ли, китайский Тюссо-дворец-улкий, хоть и – вымерший для мира, но живущий в своих подвалах-сундуках и под началом вампира-ключника, без лица (он лепит их всем, а себе вот – не может!) но с мечом, что рогулей мелькает в воздухе, когда – раздаваясь – обороняет: то золото, то золотушных. Воск и деньги!

Деньги, если б только воск, то были бы – тающие, а – если еще и вампиры – то – так ведь? – еще и питающие свой собственный и в вечности не-расход.

В этом, собственно, вся глубина происходящего вампиризма. Кроме еще одного – его ничем нельзя побороть! – Ах пятеро охотников, самой виртуозной квалификации – а и никак! Всем же, включая ключника, управляет летающая гниль – бывший великий полководец империи, ставший энергией вампиризма, бомбой крови и чемпионом убийства тех, кто приближается к его могиле, либо дворцу с деньгами-манекенами: он высасывает людей, как яйца через рот их иль зрак.

Т.е. деньги днем спят в подвалах (как деньги), но они же – и манекены там же – в подвалах дворца, а при свете – начинают слегка лишь плавиться, как восковые свечи, т.е. ногти их, н-р, начинают просачиваться на подолы... Но денег – свет не убивает! Они – нетленны и при лучах и при петухах! А ночью – могучие силы зла их зовут, и они прыжками, как жабы, собираются – все – на эти лунные встречи.

Но не воют, как волки, и не квакают, как приемы передвиженья, а стоят, как в запаснике, скажем. Оперы Пекинской – целиком одетые, ожидая чего-то... А чего – непонятно из фильма. Тут вот – из тени леса и появляются эти пятеро – как обложившие малину оперы!

Собственно, идет не борьба против денег, что было бы – просто глупо, а – против – именно что! – великой гнили. Они рубят ее мечами, производя не просто удары, а резьбу-знаки мистические, куют цепи, закрепляя те на мечах-громоотводах: всё – бесполезно! Гниль – лупа из бездарности в мире, который и на свету – во мраке!..

И когда выхода – нет, их мастер берет бомбу и – когда молния шарахает о меч громоотвод, то меч фитиль воспламеняет у бомбы... И мастер, уж высосанный почти, обнимает гниль, как любимого братца... И... ну и... Конец фильма. Ибо деньги охраняют – традиция, т.е. что? – а общество, музей, гниль, И с ними можно только одно – взорваться!..



Сергей Уткин

Кострома

115 лет назад умер
Фридрих Ницше

Так говорил Раскольников...

Удивительно, как похожи некоторыми чертами на страницах своих книг Ницше и Достоевский. Хотя, возможно, при личной встрече они бы не удостоили друг друга ни словесным, ни буквальным поклоном. Что общего могло быть у религиозного мыслителя, ортодокса своих верующих произведений и создателя нового завета Заратустры, убившего Бога и объявившего миру о содеянном? А, между тем, иногда они словно цитируют друг друга.

Помните, например, речь Заратустры о Трёх превращениях (верблюд, лев, дитя), говорящей о человеке, созидающем свои, новые ценности на руинах разрушенных чужих и чуждых.

Книга «Так говорил Заратустра» была издана в 1884 году, но ещё за 18 лет до этого (1866) в «Преступлении и наказании» Раскольникова в статье говорит об «особенных», непослушных судьбе людях, создающих свой новый закон, которым (людям) и «преступить можно».

Остальных каждый называл по-своему: Достоевский – обычновенными людьми, Ницше – «базарными мухами». Но какой бы псевдоним они ни брали, суть остаётся неизменной, неизлечимой.

А как похож совет Заратустры «умри вовремя» на рассуждения Кириллова из «Бесов». Того самого, который хотел доказать свою, а не божественную власть над своей судьбой, над жизнью. И, кстати, доказал.

Ницше объявил, что «Бог умер» и рассуждал о «скорби иудея» Иисуса, в котором «зародилась тоска по смерти» и который «был достаточно благороден, чтобы отречься», но слишком молод для этого.

Достоевский же поклонился Богу своими словами о том, что «если бы было строго научно доказано, что истина вне Христа, я предпочёл бы остаться с Христом, а не с истиной».

Какие контрастные люди, но насколько сильна и в том, и в другом тоска по Сверхчеловеку, или по новому человеку, главное, что по Человеку, переросшему «базарную муху». Достоевский осудил, я думаю, лишь то, что Человек эту муху раздавил, но перерости её он позволил и желал.

«Вошь» Раскольникова и «маленький человек, неистребимый, как земляная блоха» Заратустры... Не гуманно? Убивать нельзя, сомнений нет. Но почему-то каждому школьнику дают понять, что убивать нельзя именно «вошь», но убивать в человеке Человека можно. Почему-то учат злорадствовать, глядя на добиваемоговшими и мухами Человека.

Не об этом ли говорил Ницше: «маленький человек, видя, как большой человек кричит от боли, бежит к нему с высунутым от сладострастия языком и называет это своим состраданием...»



Памятник Ницше в Наумбурге.
Скульптор Dr. Heinrich Apel.

Константин Кедров

**Философия
(ницшеанский палиндром)**

Сом Сократ стар космос
Платон о толп
Ах Аристотель лет от Сираха
Ни толп Плотин
Плотин ни толп
Ха брей Ев Фейербах
э тих Фихтэ
Ешь циник Ницше
Арт с утра Заратустра
э Шеллинг гнил еще
лег его Гегель
дрейф Фрейд
а Кант нака
а Декарт рак еда
аз и псина Спиноза
вея дребодан над о Бердяев
о кому Камю мак ум око

Классика по-нашему

Фридрих Ницше

(1844-1900)

Стихотворение из поэтического цикла
«ДИОНИСИЙСКИЕ ДИФИРАМБЫ»

ты – шут! простой поэт!

В прозрачном дуновении эфира,
когда роса к земле
уже отрадой изливается,
незримо, нежно
– роса-целительница ласково ступает,
всех утешая милосердной добротой –
сейчас ты вспоминаешь, помнишь, сердце пылкое,
как ты взалкал однажды
и райских слёз, и росяных капелей,
весь обожжённый и уставший жаждать,
тем вечером на жухлых травяных тропинках
ярящегося Солнца пламенные взоры
горели вокруг тебя сквозь мрачные деревья
огнём слепящим солнечного ока, злорадствуя изрядно.
« Ты – Истины Избранник? – всё пытали властно –
ну, нет! поэтишка!

Ты – зверь коварный, лютый, потайной,

который должен лгать,
свою волей предан кривде,
весь мир – добыча для тебя,
замаскированный многообразно,
то сам себя упрячешь под личиной,
то ловко притворишься жертвой,
такой ты – Истины Избранник?..

Ты только шут! Ты лишь поэт!

Кудряво краснобайствуешь,
скрываешь глупость под фиглярской пёстрой маской,
ты воспаряешь сходнями лукавых слов,
размалевавши радугами ложь
в зените извращённых небосводов,
блуждающий, крадущийся –

Ты – шут! Простой поэт!

Ты – Истины Избранник?..

Весь беспокойный, жёсткий, изворотливый, потухший,
Не годен извяять в себе

Кристальную Основу Возвышенья к Богу,
не станешь Славой и Опорою Святилищ,
Хранителем у Врат Всежертвенного Бога:
нет! ты враждебен миру добродетельных Кумиров,
родней чем в Храме в каждой дикомани изуверской,
с неугомонностью блудливого кота
запрыгиваешь в каждое окно
скользь! всякий мимолетный след
учуешь даже в дебрях первозданных,
и рыскал ты в чащобе джунглей
средь хищников пятнистошерстных,
безбожно здоровел, прекрасный и цветущий,

Лидия Гощинская

Вена

Тщета Ницше

Но никому еще не дано
споткнуться о собственный путь
и выпилить свое звено,
чтоб общую цепь разомкнуть.

Штефан Георге

(1868-1933)

НИЦШЕ

Плынут лавиной тёмно-жёлтой тучи
И злые ураганы – то ли осень
Иль то весна... Не так ли эту стену
Громоподобный вокруг себя воздвиг
Отъединившись от ничтожных тыщ
Чей прах разил огнём последних молний?
Кто мёртвый город видел, уходя
Из мрака ночи в беспросветный мрак.

Толпа невежд • что толку им мешать!
Полоть сорняк • укусом жечь медузы!
Животных смрад, гнилые испаренья
Мирских похвал, марающих вождя –
Чтоб вы подохли в ваших нечистотах!
Достоин тишины благовенья
Тот, кто, сияя перед временами
Надел кровавый гения венец.

Освободитель! Сам обременённый
Злосчастным жребием, с улыбкой скорбной
Обозревал страну своей тоски?
Создал богов лишь только чтоб низвергнуть,
Отрады и покоя не вкусив?
Пожертвовал всем самым сокровенным,
Откравшись неизведанным желаньям,
Весь ужас одиночества познав.

К тебе с мольбой пришедший слишком
поздно:

Закончен путь над ледяной пустыней
И гнёздами чудовищ – только боль:
Ты мог быть защищён любовью друга..
Когда звучит, исполнен гордой муки
Хвалебный гимн в лазоревой ночи
Звенит поток, скорбя: она бы пела
Не нужно слов, се новая Душа!

Переведа с немецкого Света Литвак

с осколом сладострастным,
гордыней обуян, блаженно-адский
кровью опьяненный
грабительски, выслеживая, изолгавшись, рыскал...
Иль, как орлу подобный, длительно –
так неотступно долго пожираешь взглядом бездну,
геенну для тебя...
– о, как ты прочь с высот,
да в низость, в пропасть,
кругами въёшься, падая в глубины роковые! –
Затем,
внезапно,
отвесно на лету
в броске коварном
живьём когтями рвёшь ягнёнка,
стремглав с горы, до хрюпа стервенея,
ягнячье плотоядно возжелав,
так ненавидишь все овечьи души,
что злобно губишь в обозримом мире
доброжелательных, смиренно-кrotких,
с пушистыми кудрями,
наивно верящих ягнят молочно-сладких...
Итак,
орлом, пантерой воплощаешься хищно
и есть пристрастия поэта,
ты одержим под тысячью личин,
безумец! ты – поэт!..
Ты смог прозреть в глубинах человека
Творца Божественную Кротость
и Бога в человеке разодрать,
как Жертвенного Агнца в человеке,
и хохотать над муками, терзая, –
вот это есть твоя вершина счастья,
орла, пантеры властвованье зверя,
поэта и безумца наслажденье!..»
В прозрачном дуновении эфира
уж тонкий серп луны
позеленел пред роскошью пурпурного заката
и с ревностью крадётся,
– так осерчал на день,
что с каждым шагом сокровенным
в лугах парящих роз
срезает стебли, жнёт, пока не упадут,
поникнут бледные, в ночи погаснут:
я сам когда-то так же пал,
из правды моего безумья,
из дня, что наважденьем стал,
днём немощный, страдающий от света,
– погаснув, канул в ночь, во власть теней,
Единой Истины
огнём сожжённый, жаждою томимый
гордыней обуян, блаженно-адский,
сердце пылкое,
как страстно ты желал её тогда? –
что я был отлучён
от всякой Истины!
И стал шутом! Писакой!

Перевела с немецкого
Людмила Крыжановская (Херсон)

Света Литвак

ДООС – зиоса

СЕ ЧЕЛОВЕК

Подражание Ф. Ницше

Что меня родило? Охра!
Оттого в межножье мокро.
Сажа, сепия, кармин
Силу тяжкую вливают.
Розовою, набухаю...
Нет, я не ультрамарин!

B
a
r
i
a
c
i
n
a
T
e
M
y

Михаил Завьялов

Курган

После нас...

При столкновении погибло около тысяч
протестующих.
Пена удаляет налёт и страсть лучше
средств от Armani...
Ты вынес? На работе дали выговор.
Ожидает в будущем.
Сколько раз? Как клюёт? И сегодня на
нашем экране!

Они уже куплены? Закручиваете по
часовой настойке.
Ты по чистому? Зашла, зажгла свечу
в супермаркете.
По акции будете чувствовать. Ну кто
здесь крайний?
В XVIII веке неистово. Жгли лифчики,
сдирая майки.

Чё пацанам телефон зажал? Эпоха
Барокко возникла...
Синебойко правит гроза. Добавляете
немного шпика.
Вдох! раскрываются чакры...

И где-то клонит тихо...
Оживший бог
Кроны ручьёв...
Бутоны птиц...
И падает наш дух
Ниц...
ше...



Максим Маренков

Самара

Я

двадцать шестого апреля две тысячи десятого года
я пунктуален как ложка меда в бочке дегтя
я размозжен безумием как ницше
я долгожданный как вторая мировая война
я разумен как корова заболевшая бешенством
я закончен как река балабанова
я свободен как собака на привязи
я

двадцать шестого апреля две тысячи десятого года
собираю вещи в слепой надежде
а крыса что-то рьяно грызет в углу комнаты
может быть это мой завтрак
или обед
или ужин
не знаю
двадцать шестого апреля две тысячи десятого года
я не знаю кто я такой

Зиновий Антонов

Донжуан

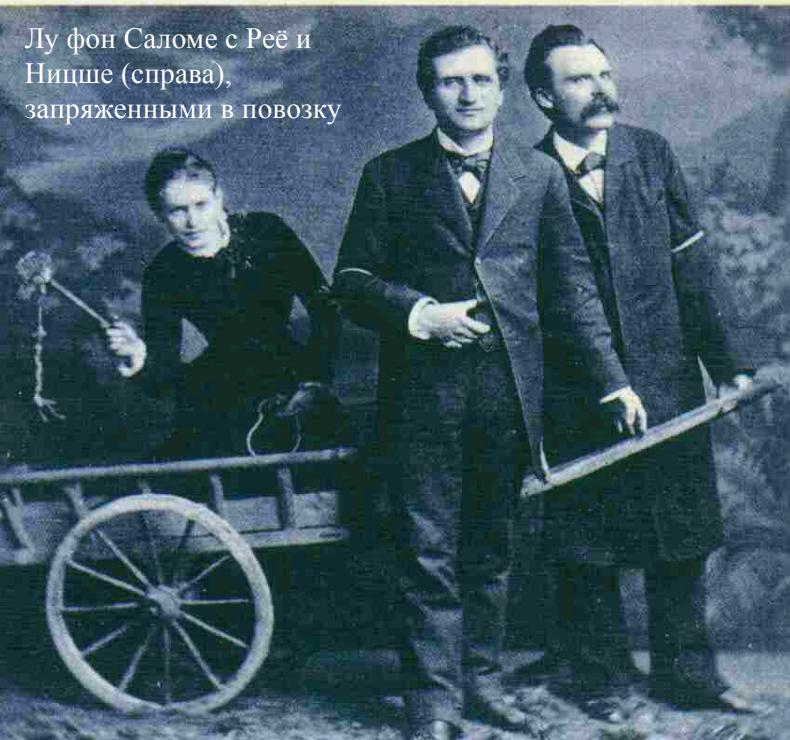
У донжуана вечность на челе
И от рожденья правильные знаки.
Он – Дон Жуан, и это знают все,
Даже бегущие за ним собаки.
Ему лет тридцать, может быть, шестьсот.
Не важен возраст, были б аргументы.
Он женщинам своим давно вперед
За всё и вся отчислил алименты.
Кому стихами, а кому – большой
Бумажной розой с маленьkim бутоном.
В друзьях Сальери, Дартаньян и Ной,
Тот, что отплыл... еще Декарт с Ньютоном,
Коко и Ницше, Гоголь и Шекспир,
В любовницах – Беата, что от Данте.
И завтра он дает роскошный пир,
Под звуки фортепьянного анданте.
Он переспал за месяц, или век
Со всеми сестрами в клинической «диванной»
Главврач и та (ведь тоже человек),
Едва поняв, что он, и впрямь, « тот самый»
Его хотят на выписку «к чертям».
Он безнадежен, говорят, и полно.
А он не хочет, потому что «там»
Он снова станет Тищенко Миколой.

Анатолий Гринвальд

Лейпциг

Обнимая плечи ангела

солнце сгорает каштаном в твоих небесах
и удлиняется тень от графина с водою
некого помнить и некого больше спасать
мантрай из бродского терпкой и полусвятою
город разрушен пылают дворец и дома
скальпы снимают со статуй хмельные ацтеки
вот догорает тюрьма и пылают тома
ницше камю и платона в библиотеке
пали ростов нижний новгород и самарканд
в то что москва устоит тоже верится слабо
и словно хит мтв на волне маяка
ветер разносит по улицам плач ярославны
ротный наш выпил чуть больше иль просто устал
герпес с отчаяньем губы его обметали
и юнкера перед боем за церковь христа
делают дырки в пальто для посмертных медалей



Лу фон Саломе с Рее и
Ницше (справа),
запряженными в повозку

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

СТИХИ о ВИННИ-ПУХЕ

вижу эти грустные ухмылки
в чём-то я действительно лопух
и в башке как водится опилки
я почти такой как Винни-Пух

я живу как мне велит природа
по любимой я схожу с ума
я хочу как Винни бочку мёда
получаю килограмм дерьма

что-то невезучий я с пелёнок
и друзья наносят много ран
Пятачок хороший поросёнок
но порой опасней чем кабан

жизнь непостижима точно бездна
но мудра как добрая сова
я хочу чтоб кто-то безвозмездно
мне сказал хорошие слова

А.А.Милн «Винни-Пух»
(Winnie-the-Pooh) –
первая глава
опубликована в газете
London Evening News
перед Рождеством,
24 декабря 1925 года.



Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

ОДИССЕЙ на ЕНИСЕЕ



1.

На Руси –
Безразмерный Гомер
Возникает опять, всем в пример...

И плывёт покорять Енисей
По морям, по волнам Одиссей...

Боже мой, да ведь это же – я!
Красный Яр... Нежилые края...

Всё, что было, быльём поросло.
Растерял я друзей, как назло...

И куда вы меня завели,
Боги неба и боги земли?

2.

Привязан к мачте, точно Одиссей,
На корабле под флагом коммунизма

Я вынужден был слушать пенье фей-
Сирен...
Певиц, певцов соцреализма...

Как хорошо, что нынче там и тут
Фальшивых этих песен не поют!

А я, живой, как будто Одиссей,
Стую, тревожной думой обуян,

Смотрю, как волны катит Енисей
На Север, в Ледовитый океан...

3.

Волны встают за кормой –
Выше... И это не сон...
В гневе наш бог Посейдон.

О, моя Муза, постой!
Не расставайся со мной...
Я ещё здесь, у руля...

Крысы бегут с корабля...



Галина Мальцева «Пассажиры ночного трамвая» Специально для ПО
ДООС – стрекозелла
(компьютерная графика)



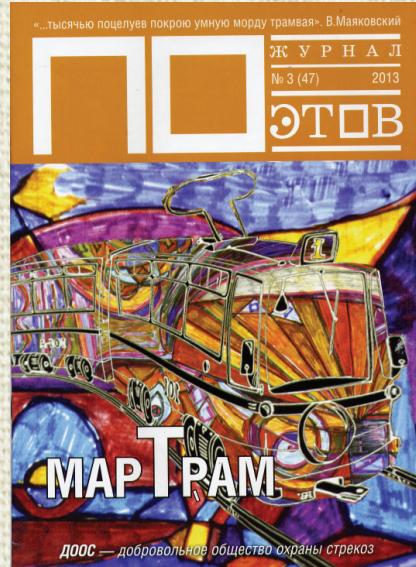
Дарья Родина

ТРАМВАЙ

В трамвае ни входа ни выхода нет,
Темно и не слишком свежо.
Кондуктор отрезал счастливый билет
Огромным столовым ножом.
Отвергнут трамваем гламур и ажур,
Валентность ему не нужна.
Трамвая внутри - исключительно сюр,
Трамвая снаружи – весна!
Я потно сижу, по сиденью скользя,
Шепча потихоньку: «Банзай!»
Трамвай победить мне, наверно, нельзя,
Но я побеждаю трамвай...



Продолжение темы
№ 3 (47) 2013
«марТрам»



Александр Гумённый

друг ДООСа
Новокузнецк

КТО

ни о чём не думаю
но кто-то думает мной
хорошо бы узнать –
кто?!

4 января 2014 г.

СЛОВО

емкость слова
поглощает
пустую
страницу
собой

13 марта 2015 г.

НЕ ЗАПИСАЛ

пытался довести до
ума
но ум опроверг
сказанное

2 апреля 2015 г.

СЛУЧАЙ

как-то раз сошлись
несколько комплексов
неполноценности
– и получился –
СПОРТКОМПЛЕКС

24 апреля 2015 г.

СЛОВА

точные слова
всегда
продлевают
ощущения

25 мая 2015 г.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 2 (64) 2015

По горизонтали

1. Плясун. 6. Партитура. 11. Ересь. 12. Уголок.
13. Елизавета. 14. Торос. 15. Триада. 16. Арык.
21. Роза. 24. Лондон. 25. Эфрос. 26. Зебра.
28. Поло. 30. Ресторан. 34. Нетто. 36. Портос.
38. Чернь. 40. Перевод. 41. Квакер. 42. Сивка.
43. Вьетнам.

По вертикали

2. Логарифм. 3. Солдафон. 4. Нектар. 5. Невроз.
6. Пьеса. 7. Руины. 8. Ирак. 9. Удел. 10. Адам.
17. Ребро. 18. Класс. 19. Индонезия. 20. Соратники.
27. Ре. 29. Лебедь. 30. Спика. 32. Орган. 33. Борей.
35. Трест. 37. Пика. 39. Сова.

Журнал ПОэтов» № 2 (64) 2015 «Часы слов»

Учредитель, идея журнала и творческая
концепция – группа ДООС (Добровольное
общество охраны стрекоз) при участии
Русского Пен-клуба, при поддержке
Региональной общественной организации
«Центр современного искусства».

Главный редактор

доктор философских наук

Константин Кедров

Редакционный совет: Е.Кацюба (ответ.
секретарь); В. Ахломов: С.Бирюков – доктор
культурологии (Германия); А.Бубнов –
доктор филологических наук (Курск);
профессор В.Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий – доктор
геолого-минералогических наук; Э.Гусейнов
– кандидат исторических наук; К.Ковальджи;
А.Кудрявицкий (Ирландия); Б.Лежен
(Франция); В. Нарбикова.



Фото на 2-й стр. обложки – Виктор Воронин

Макет номера – Елена Кацюба

Верстка – Николай Лазарев

Номер подписан в печать 26.06.2015

Издательство ДООС Маргариты Аль

Телефон 8-926-524-5662

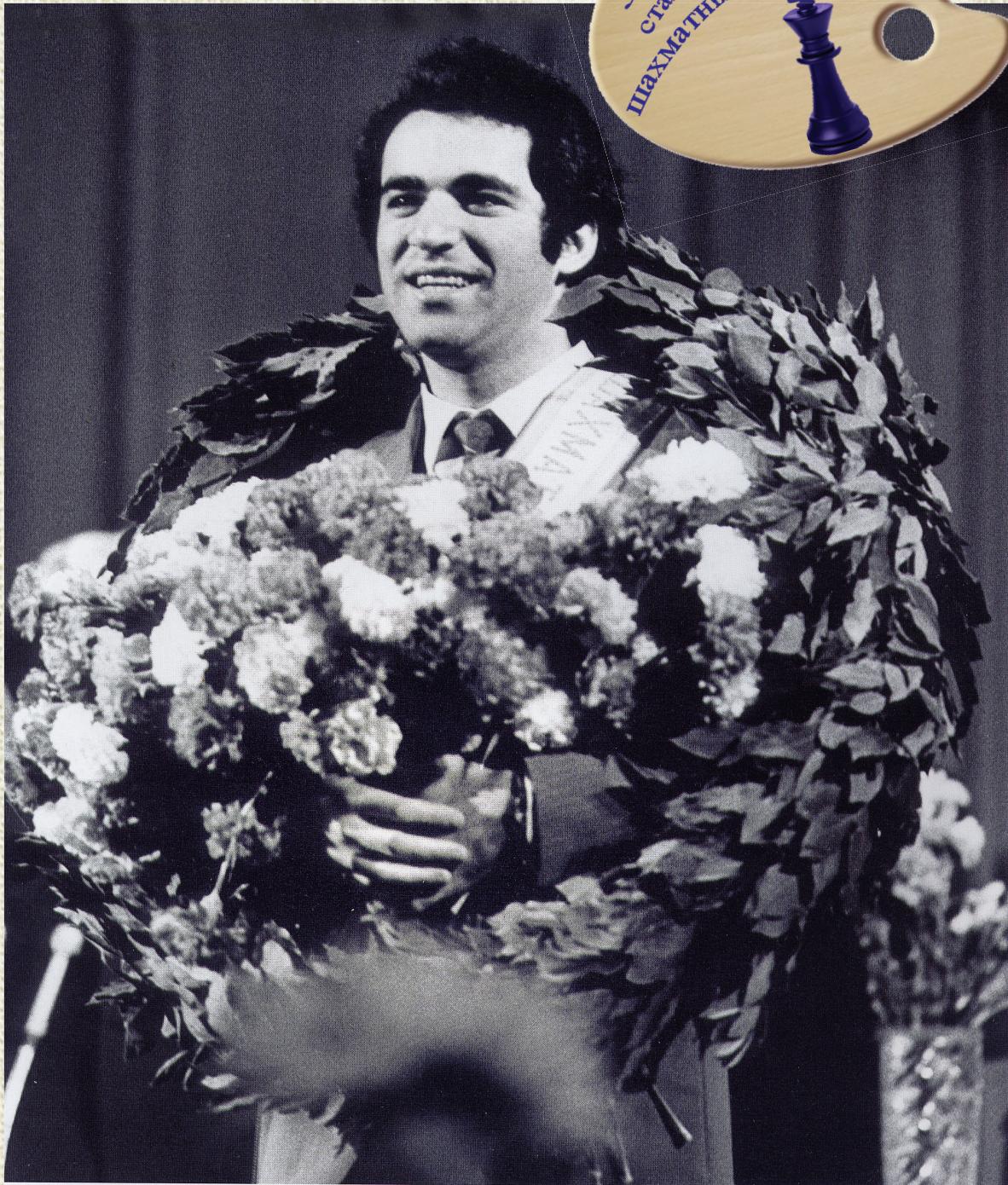
Адрес в интернете:

Литмир Журнал ПОэтов [http://www.litmir.net/
UserBooks/?UserId=191742](http://www.litmir.net/UserBooks/?UserId=191742)

e-mail – fly-111@mail.ru

Виктор Ахломов

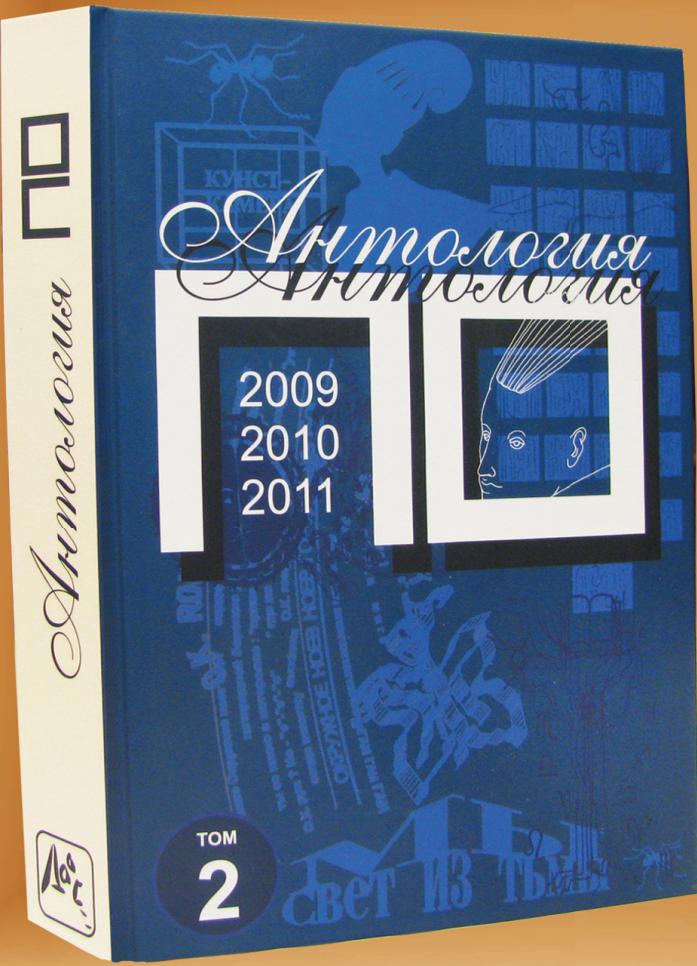
ДООС – линазвр



Виктору Ахломову от
чемпионата мира.

10. 11. 85.

Kas



Издательство
ДООС
Маргариты
Аль

meta.al@yandex.ru
<http://www.doosclub.ru>
тел. +(926) 524 56 62
тел. +(985) 389 11 22

Книги и журналы Издательства ДООС можно купить в магазине «Фаланстер».
Малый Гнездниковский пер. д.12/27.

